

Дочь викария

Автор:

[Кэтрин Коултер](#)

Дочь викария

Кэтрин Коултер

Очарование (АСТ)Шербруки #7

Жестокосердный кузен, сам того не желая, разбил сердце юной Мегги Шербрук, с детства в него влюбленной, но так и не дождавшейся ответного чувства. Что остается? Поплакать о загубленной жизни – и уехать в далекий ирландский замок со скоропалительно избранным супругом, загадочным Томасом Малкомом... Но... Томас знает о женщинах гораздо больше, чем Мегги может себе представить. И теперь, когда этот мужчина с пылким сердцем повстречал женщину своей мечты, он не остановится ни перед чем, чтобы зажечь в ней пожар ответной страсти!

Кэтрин Коултер

Дочь викария

© Catherine Coulter, 2001

© Перевод. Т. А. Перцева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1

Кошачьи бега

Беговой трек Макколти

близ Истборна, Англия

Апрель 1823 года

Ясный солнечный день

– Мистер Рейли, да уберите же Крошку Тома с дороги! Дьявол и все присные его! Берегись, Мистер Корк сейчас его зашибет!

Крошку Тома рывком сдернули с беговой дорожки, как раз вовремя, в самый последний миг, секунды за две до того, как Мистер Корк собьет его с ног. Крошка Том был главной надеждой мистера Рейли, просто еще не был готов к состязаниям такого уровня. Черный, как приспешник самого сатаны, с крохотными белыми носочками, он был, бесспорно, хорош, но что можно ожидать от годовалого и к тому же недостаточно обученного котенка!

Однако когда соревнующиеся промчались мимо и полетели к финишу, мистер Рейли осторожно поставил Крошку Тома обратно на дорожку, легонько шлепнул по филейным частям и что-то проворчал в маленькое ушко. Похоже, в ворчании содержался некий намек на рубленую куриную печенку, потому что Крошка Том, уже чувствуя, как лакомые кусочки проваливаются в его крохотный желудок, рванулся вперед.

Мегги Шербрук в который раз оглядела бегущих, приставила ладони рупором ко рту и с новой силой завопила:

– Ад проклятый, Мистер Корк! Беги! Не позволяй Блинкеру Второму обогнать себя! Беги же! Давай!

Преподобный Тайсон Шербрук, склонный игнорировать неприличные промахи дочери, иногда, правда, крайне редко, прибегавшей к любимому ругательству Шербруков, да и то исключительно на беговом треке, что казалось не только естественным, но и вполне допустимым, громогласно поддержал ее:

– Беги, Мистер Корк, беги! Клеопатра, милая девочка, ты можешь, ты сделаешь это!

Мистер Корк, вот уже с полгода как вошедший в полную силу, вырос большим красивым котом с рыжими полосами на головке и спинке, снежно-белыми брюшком и лапами и сильным, как Клэнси, призовой бык мистера Харбора. Бежал он исключительно на запах форели, предпочтительно жареной или запеченной с несколькими каплями свежего лимонного сока. Любимое блюдо ждало его на финишной черте, и нужно сказать, что Макс Шербрук честно выполнял свои обязанности, держа рыбу за хвост и раскачивая ее, как маятник метронома, чем удерживал внимание Мистера Корка, взгляд которого был прикован к соблазнительному призу.

И хотя, с точки зрения знатока, тренировка кота явно велась не по правилам, Мистер Корк частенько проводил утро на кухне. Рыже-полосатый хвост, высовывавшийся из-под скатерти, лениво помахивал взад-вперед, возвещая о том, что его обладатель не прочь отведать жирный кусочек поджаристого бекона или вкусного молочка, а может, и того и другого, если домочадцы вдруг расщедрятся.

Мускулистый и крепкий, он летел по дорожке так, что только лапы мелькали – сама мощь и поэзия, выраженные в движении, как восхищенно говаривала леди Донтри. Ей можно было верить – недаром почтенная дама вот уже четырнадцать лет как была распорядительницей бегов, которые устраивала даже в самую неблагоприятную погоду. Леди Донтри, известная своими высокими моральными принципами, ненавидела любые проявления коррупции, и даже сейчас, в 1823 году, по слухам, еще делались попытки исказить результаты бегов, поэтому во всех питомниках беговых кошек на этот счет принимались строжайшие меры.

Мэри Роуз, шотландка по происхождению и уже восемь лет как жена Тайсона, вторила падчерице так же громко, но с мелодичным выговором своей родины:

– Беги, Клео, моя красавица, давай же! Вперед! – И, набрав побольше воздуха в легкие, заорала: – Держись рядом с ней, Алек! Скорее, парень!

Семилетний Алек Шербрук честно пытался не отстать от Лео, которого боготворил. По всем питомникам недавно пронесся слух, что Алек Шербрук – из той породы, что рождается раз в сто лет, а именно породы кошачьих шептунов. Этот странный термин означал, что кошки прислушиваются и понимают каждое его слово, мало того, повинуются его командам. Никто не знал в точности, так ли это, но если так... значит, Шербрукам невероятно повезло. Говорили, что, стоит Алеку очутиться рядом, Клео буквально несется по воздуху. Поэтому и поддалась так скоро новым методам тренировки. Все просто диву давались: подумать только, кошачий шептун! Давненько такого не бывало! И если Алек Шербрук действительно наделен этим необычным даром, его имя наверняка станет знаменитым в мире кошачьих бегов! Поскольку он еще был недостаточно взрослым, чтобы поспевать за Клео, тренером кошки считался Лео, его старший сводный брат. Правда, Мегги была не совсем уверена, почему именно Клео показывает чудеса скорости: потому что рядом бежит Лео или потому что семилетний Алек что-то шептал в ее белое ухо перед началом каждого забега.

Зрители, предпочитавшие более грациозных участников вроде Клеопатры, нареченной Клео Миа гостившим в Англии итальянским священником, считали ее прирожденной прыгуньей. Мэри Роуз, затаив дыхание, наблюдала, как кошка очень быстро пробежала несколько ярдов, словно накапливая энергию, прежде чем подобно балерине оттолкнуться задними лапами и, растопырив передние, рвануться вперед. Длинное пятнистое тельце взвилось в воздух и приземлилось чуть впереди Блинкера Второго.

Зрители радостно взвыли. Леди Донтри объявила, что Клеопатра – само изящество в движении, чем снискала дружные возгласы одобрения.

В начале забега Клео вполне довольствовалась тем, что держалась на добрых шесть корпусов позади лидера и рядом с Лео, пока Алек старался не отстать. Лео непрерывно повторял ее кличку настолько громко, чтобы кошка слышала, и бежал со всех ног, что было нелегко, особенно когда кошка сжималась, перед тем как подскочить и оказаться фута на три впереди остальных бегунов. Братья Харкер, владельцы Маунтвейлского питомника, во всеуслышание превозносили технику бега как уникальную и достойную всяческого подражания. Потом речь неизменно заходила об Алеко. Тут известные знатоки и тренеры дружно качали головами и гадали, каким образом ему удастся изменить мир кошачьих бегов

своим необыкновенным даром. Кошачий шептун, подумать только!

Блинкер Второй вытянул шею и припустил быстрее, умудрившись снова обогнать Клеопатру. Он, можно сказать, из шкуры лез, оставаясь посреди беговой дорожки, прислушиваясь к ободряющим крикам хозяина, обещавшего все парное молоко, которое только удастся надоить сегодня вечером у Труды, коровы Гримсби.

Смельчак не свернул, даже когда другой кот едва не сбил его с лап: недаром мистер Гримсби, тренируя кота, постоянно советовался с прославленными братьями Харкер, придерживавшимися того мнения, что нельзя чересчур утомлять животное и поэтому вполне достаточно не более десяти забегов в день. Блинкер Второй, серый кот со сверкающими изумрудными глазами, всегда мяукал на бегу.

Мегги уже охрипла и сорвала голос, но какое значение это имело?! Собравшись с духом, она из последних сил завизжала:

– Давай, Мистер Корк! Шевелись! Покажи Блинкеру Второму! Смотри, какую чудесную форель приберег для тебя Макс! Чувствуешь этот аромат?!

Мистер Корк понял, что настало время показать себя. Мелькание лапок, едва касавшихся сухой земли, слилось в одну сплошную дымку, зеленые глаза были устремлены на форель, мерно раскачивавшуюся в правой руке Макса, который стоял в полушаге от финишной черты.

В этот момент Клеопатра исполнила свой коронный прыжок, приземлившись футах в трех с половиной впереди Лео. Тот усердно пыхтел, стараясь поравняться с кошкой, поскольку если та не видела его уголком правого глаза, немедленно останавливалась и дожидалась обожаемого тренера... или, возможно, сразу его и Алека, наверняка сказать было трудно. Это был единственный недостаток методики Лео Шербрука. В свои семнадцать лет он считался признанным авторитетом по части тренировки кошек в питомнике приходского vicar. Каждое утро соседи наблюдали, как Лео и Алек дружно бегут по полям в направлении Ла-Манша.

Кэндис, белоснежная кошка Хорейшо Бламмера, напоминая очертаниями пушку, невероятно злобная и подлая, огрызалась и то и дело щерила пасть,

стоило кому-то из участников бегов приблизиться больше, чем следовало. И если бедняга не оказывался достаточно проворным, негодяйка, не церемонясь, пускала в ход зубы. Покусанные ляжки и зады приходилось потом долго залечивать. Мистер Бламмер весьма гордился характером и повадками своей кошки, не нуждавшейся ни в приманках, ни в подкупе.

Но Мистер Корк, задержавшись на мгновение, зашипел на Кэндис так, что она даже растерялась, после чего задрал хвост и промчался мимо.

Хорэс, десятилетний кот мистера Гудгейма[1 - Good game - хорошая игра (англ.). - Здесь и далее примеч. пер.], по-прежнему, как шутил хозяин, был одним из лучших игроков. Длинный, тощий, похожий на серо-белую стрелу, летящую по дорожке... Мистер Гудгейм прикрепил к пушистому белому хвосту флажок, весело трепещущий на ветру. На флажке были изображены кошки, стоящие на задних лапах и державшие скрещенные мечи. Под мечами краснели большие буквы: «Leve et Reluis», означавшие «Восстань и снова озари», прекрасное изречение, к сожалению, не слишком понятное местным жителям.

Первые прошли уже три четверти пути. Только троих сумели сманить хулиганы, либо ухавшие филинами, либо оравшие, как рыбные торговцы, размахивая вонючими тушками форели или сырыми куриными ножками. Впрочем, сторожа окрестных питомников в два счета скрутили негодяев и вышибли за ворота.

- Мистер Корк, я дам тебе три куска бекона, если побьешь Старину Ламли! - прохрипела Мегги.

Старина Ламли был чемпионом, хорошо знавшим свое дело. И мчался молнией, стоило ему завидеть хозяйку, миссис Фоу, стоящую у финишной черты со скрещенными на мощной груди руками и негромко насвистывавшую одну и ту же мелодию. Правда, за последний год бедняга немного страдал от артрита, что, как предсказывали знатоки, вскоре поубавит ему прыти.

Четырехлетний Рори Шербрук обожал Клеопатру, хотя бессовестная кошка дергала хвостом и убегала, стоило малышу подобраться ближе и попробовать ее схватить. Сидя на отцовских плечах, он всю размахивал руками и визжал так, что Тайсон всерьез опасался, что оглохнет.

Мегги похлопала Рори по ноге и увидела, как Мистер Корк внезапно оторвался от Клеопатры, прыжок которой оказался недостаточно длинным. Со стороны публики послышался общий стон, немедленно сменившийся приветственными криками.

Шум постепенно усиливался. Теперь на треке осталось пять кошек. Все в превосходной форме. Все стремятся победить. Четыре держались вместе, все убыстряя бег: Клеопатра, Блинкер Второй, Старина Ламли и Мистер Корк. Кэндис оказалась чуть позади. Опустив голову, не глядя по сторонам, она что было мочи пыталась догнать остальных.

Неожиданно откуда-то сбоку появился Крошка Том и, неизвестно как перелетев через остальных, оказался впереди. Его прыжок чем-то напоминал стиль Клеопатры, но шел по спирали, что придавало ему некий дополнительный шик. Толпа затаила дыхание, когда забавный маленький котик перескочил через Хорэса, едва не задев гордо реющий на хвосте флажок. Потом по ужасной случайности Крошка Том приземлился прямо на спину Блинкера Второго. Ошеломленный кот извернулся и укусил наглеца за ухо, после чего оба с воем и визгом скатились с дорожки и мгновенно запутались в юбках миссис Бланшар, глухой восьмидесятилетней старушенции. Та, отчаявшись понять, в чем дело и откуда на нее свалился плюющийся, царапающийся клубок, принялась отбиваться зонтиком.

Настоящее столпотворение разразилось, когда Мистер Корк в последнем отчаянном усилии перемахнул через финишную черту, опередив Клеопатру на три волоска. Старина Ламли и Кэндис рвались вперед в борьбе за третье место. Блинкер Второй просеменил обратно, сообразил, что проиграл, и, высоко задрав нос и хвост, прошествовал через финишную черту. За ним проследовал Хорэс, тащивший флаг по грязи: очевидно, сегодня восстания, а также озарения не предвиделось. Что же до Крошки Тома, он, совершенно изнуренный, лег на краю трека и принялся лизать лапки.

Когда леди Донтри громовым голосом, наверняка услышанным в самом Истборне, объявила победителем Мистера Корка, Макс поднял кота и, повесив себе на плечи, как некое подобие горжетки, пронес по кругу. Рядом с победоносным видом шагал Алек. К тому времени как круг был завершен, Макс тяжело отдувался: никто не назвал бы Мистера Корка пушинкой. Завидев Мегги, Мистер Корк открыл пасть и испустил громогласное «мяу». Девушка незамедлительно вытащила из кармана кусочек бекона, обернутый чистой

салфеточкой, и скормила коту, что-то ласково приговаривая и называя его своим красивым мальчиком и великолепным бегуном.

Мистер Корк прикончил бекон, лизнул руку Мегги и снова положил головку на плечо Макса. Выглядел он при этом крайне довольным собой.

Клеопатра поняла, что проиграла, и очень расстроилась. К сожалению, спортивный дух и чувство товарищества отнюдь не числились в ряду качеств, прививаемых тренировкой, так что, когда Лео имел глупость поднести ее чересчур близко к победителю, кошка молниеносно выбросила вперед лапку и цапнула Мистера Корка за голову. Но тот приоткрыл один глаз, лениво зашипел и снова заснул, нимало не оскорбленный ее дурными манерами.

– В следующий раз, Клео, – пообещал Лео, глядя ее блестящую спинку. – Ты обязательно побьешь рыжего великана, вот увидишь, так и будет. Еще немного отточим твои толчки задними лапами, наберешься побольше сил, и мы с Алеком выведем тебя в чемпионы.

Алек зарылся носом в ее шейку, чуть коснулся уха кончиком пальца и что-то прошептал, причем окружающие могли бы поклясться, что кошка внимательно слушает. Мальчик поцеловал ее макушку. Клео мгновенно забыла свои горести и завела томную песенку.

Завидев это, мистер Гримсби с мудрым видом закивал.

– Кошачий шептун, – пробормотал он жене, мигом принявшей подобающий случаю благоговейный вид. – Ничего не скажешь, юного Алека ждет большое будущее.

В следующем, последнем на этот день, забеге участвовали исключительно трехлетние кошки: самый агрессивный, самый непредсказуемый, почти не поддающийся тренировке возраст. Подобного рода соревнования, как правило, превращались в общую свалку: шерсть летела во все стороны, над треком разносился дикий вой, и чаще всего ни один участник так и не добирался до финишной черты. Сегодняшний день тоже не был исключением.

– Котята – они и есть котята, – заявил Оззи Харкер, покачивая головой и подхватывая Монро, трехлетнего безобразника с изодранным ухом. Мегги

погладила Мистера Корка и Клео и покрывала поцелуями их мордочки, пока оба с недовольным видом не отвернулись, явно намекая на прискорбное отсутствие кормежки.

- Прекрасный день, - блаженно вздохнула Мегги, обнимая отца. - Теперь, когда Алек взялся за Клео, бьюсь об заклад, скоро она начнет обгонять Мистера Корка.

- Поразительный мальчонка, верно, Мегги? - любовно проворчал Тайсон. Дочь расслышала нежные нотки в его голосе и обняла отца.

- И он, и Рори. Оба великолепны. Вы с Мэри Роуз постарались на славу. А я, - с лукавой ухмылкой добавила она, - как и обещала, объяснила им, что почем.

Тайсон, не выдержав, рассмеялся, вспоминая ту, давнюю церемонию, закончившуюся не только всеобщим весельем, но и согласием.

- Жаль, что Роэна Каррингтона и Сюзанны здесь нет. Я ужасно рада, что они позволили братьям Харкер участвовать в состязаниях. Забеги кажутся куда более волнующими, когда на трек выходят воспитанники Маунтвейлского питомника.

- Они приедут в мае, - сообщил Тайсон. - Пока что они в Париже. Роэн написал, что сейчас любуется деревьями в цвету. Ты же знаешь Роэна и его сады: он вернется с дюжиной новых планов, замыслов и эскизов разбивки клумб и посадок.

- И вправду хороший день, - согласился Макс, по-прежнему держа Мистера Корка, но пыхтя уже не так сильно.

- Да, - согласился отец, - хороший.

- Папа, можно я понесу Мистера Корка?

Тайсон поднял глаза на четырехлетнего Рори, мысленно добавил вес Мистера Корка и вздохнул:

- Давай кота сюда, Макс.

Глава 2

Городской дом Шербруков

Патнем-плейс, Лондон

Неделю спустя

Городской дом Шербруков на углу Патнем-плейс, трехэтажный особняк в георгианском стиле, был выстроен в середине прошлого века графом Нортклиффом, имевшим гораздо больше денег, чем хорошего вкуса – «bon gout»[2 - Хороший вкус (фр.)], как он обычно вопил, изливая свое семя в лоно очередной «пансионерки» борделя мадам Орли. Именно он и наводнил сад греческими статуями мужчин и женщин, сплетавшихся в самых непристойных позах. Последние шестьдесят пять лет буквально все: дети, взрослые, гости, слуги и даже случайные разносчики – могли часами глазеть на обнаженные мраморные парочки, олицетворявшие различные аспекты физической страсти. Временами Мегги искренне жалела, что ей не довелось познакомиться с оригиналом графом. Ни Лео, ни Макс до сих пор не проговорились своему отцу-священнику, что их двоюродные братья, мальчишки дяди Дугласа, успели наскоро показать им статуи в укромном уголке сада Нортклиффов. При этом все четверо беззастенчиво пялились на соблазнительные сцены, отпускали непристойные замечания и, хихикая, изучали все неприличные подробности.

Мегги поселили недалеко от спальни тети Алекс, примыкавшей к комнате дяди Дугласа. Ее же комната была отделана в светлых оттенках персикового и кремового. Она останавливалась в этой комнате с восьми лет.

В дверь легонько постучали.

– Войдите! – откликнулась Мегги.

На пороге возникла тетя Алекс, румяная, растрепанная, запыхавшаяся и сияющая, как утреннее солнышко, потому что едва ли не с рассвета каталась в Гайд-парке с дядей Дугласом. Оба наверняка пускали коней во весь опор,

наслаждаясь одиночеством и покоем, поскольку никто из людей светских не изволил подниматься с постели так рано, чтобы оказаться в этот час в парке и тем более осудить столь эксцентричное поведение. На Алекс была темно-зеленая амазонка, подаренная мужем на день рождения. Густые рыжие волосы выбились из-под модного крошечного цилиндра и беспорядочной массой локонов рассыпались по спине.

– До чего я люблю лондонскую жизнь! – весело объявила она, стягивая рыжевато-коричневые перчатки для верховой езды из невероятно мягкой кожи. – Когда только приезжаешь сюда, здесь все кажется таким чистым и свежим! Весна в Лондоне – это нечто особенное! Кроме того, я ужасно довольна, что Тайсон позволил нам взять тебя под свое крылышко. Что ни говори, а первый сезон очень важен для девушки. Надеюсь, мы повеселимся на славу. Кстати, я пришла сказать, что сегодня утром Дуглас везет тебя к мадам Джордан.

– Кто такая мадам Джордан?

– Моя модистка, разумеется. Одевает меня с тех пор, как мы с Дугласом поженились.

Алекс на секунду замолчала, очевидно, погружившись в крайне приятные воспоминания, потому что по лицу расплылась широкая улыбка.

– Хм-м, о да, между нами: ты будешь похожа на принцессу. Только делай так, как скажет дядя. У него идеальный вкус.

Мегги всю жизнь твердили, что у обоих дядей просто идеальный вкус во всем, что касается дамской одежды. Вероятно, и у отца тоже, поскольку вся мужская половина рода Шербруков отличалась особенной удачливостью и тонким вкусом. Будучи викарием, он не мог позволить себе судить вслух о таком суетном предмете, как женские туалеты.

Мэри Роуз, мачеха Мегги, и сама Мегги, волей-неволей оказавшиеся в доме, полном существ мужского пола, давно объединились и сами выезжали за покупками, невероятно при этом наслаждаясь. Четверо мужчин, включая Алека и Рори, не будучи откровенными олухами, щедро отпускали комплименты любому новому наряду, давно заметив, что длина комплимента оказывалась прямо пропорциональной степени хорошего отношения к ним дам. Их отец,

человек высокого ума, весьма одобрял такое поведение.

– Так вот, Дуглас собирается уехать, как только переоденется. У него встреча в министерстве иностранных дел. Надеюсь, ему не собираются предложить новый дипломатический пост. Последнее назначение было в Рим. Господи, какая же там жара! Мы провели уйму времени с кардиналами и епископами, а это означало, что приходилось носить закрытые платья.

– Я бы с удовольствием посетила Париж, – мечтательно вздохнула Мегги.

– Он отказался от этого назначения два года назад, – сообщила Алекс. Лорд Нортклифф и в самом деле отверг несколько предложений министра, хотя король Георг IV часто советовался с ним по вопросам, касавшимся переговоров с французами, которых Дуглас прекрасно знал. Вероятно, поэтому и отказывался ехать в столицу Франции.

Час спустя Мегги и Дуглас оживленно обсуждали моды с мадам Джордан в ее элегантно обставленной лавке в самом центре Риджент-стрит.

Сегодня выдался чудесный ясный день; всю дорогу до Лондона шел дождь, вчерашним вечером превратившийся в ливень. Зато рассвет был безоблачным и ясным. Настоящее весеннее утро! Цветы затопили столицу красочным водопадом, а на деревьях распустились листья. Мегги просто не могла насытиться свежим душистым воздухом.

В этот ранний час в лавке были только три леди с горничными. Но мадам Джордан, едва взглянув на дядю Дугласа, подлетела к нему и подставила щеку для поцелуя. После чая и сплетен она объявила лорду Нортклиффу, совершенно не обращая внимания на Мегги и, очевидно, считая, что сам процесс не требует участия девушки:

– Вообразите только, такая молодая девушка удостоилась внимания самого милорда Нортклиффа. Всем известен ваш безупречный вкус, так что она станет предметом всеобщей зависти. Вот увидите, с нашей помощью она превратится в истинную красавицу! Хм-м... довольно тонкая талия, что очень кстати, так как нынче опять подчеркивают линию талии... грудь пышная... да, хорошая кожа... и волосы того же насыщенного оттенка, как у мистера Райдера Шербрука и леди Синджен... каштановые... со светлыми прядями и рыжеватыми отблесками... А

эти голубые глаза... вскоре они засверкают, как драгоценные камни. Давайте я сначала сниму мерки, а потом мы все обсудим подробно.

Мегги раздели до нижних юбок, чулок и сорочки, поставили на небольшое возвышение, сняли мерки и лишь потом стали драпировать в самые различные отрезы – от прозрачных шелков до ярких переливчатых атласов. Дядя Дуглас внимательно рассматривал каждый, делал замечания, задумчиво поглаживая подбородок, и выглядел при этом генералом, командующим армией, в которой каждый солдат был готов немедленно выполнить приказ.

При виде бального туалета, выбранного им для следующего вечера при полном одобрении мадам Джордан, сердце Мегги затрепыхалось от удовольствия и волнения. Настоящий шедевр: тюль на белом атласе с двумя полосами изысканной вышивки, идущей от талии до подола, имитируя распашную юбку.

– Слава Богу, что тебе идет белое, Мегги, – заметил он, оглядывая племянницу и торжественно кивая. Рукавчики были короткими и туго обхватывали руки. Квадратное декольте открывало грудь. Платье было отделано двумя очень узкими оборками: одна на подоле, вторая под коленями.

– Выдержано в строгом стиле, – заметил Дуглас, – и талия наконец там, где ей положено быть. У тебя чудесная тонкая талия, Мегги, а грудь особенно миленькая... хотя, возможно, и не стоило упоминать об этом в твоём присутствии, но мадам права. Да, этот фасон тебе пойдет. Больше никаких школьных платьиц, дорогая. Ты теперь молодая леди, готовящаяся к выходу в свет.

Мадам Джордан вздохнула:

– Помните, милорд, как вы впервые привели ко мне молодую жену? Что за странный у нее был вкус... впрочем, таким он и остался, зато она понимала силу воздействия на мужчин своей великолепной груди и поэтому упиралась что было сил.

– Женщины всегда понимают соблазнительность своей груди, – фыркнул Дуглас. – Что же до моей супруги, она до сих пор носит платья с вырезом едва не до колен, и мне это нравится не больше, чем тогда. Мужчины просто раздевают ее взглядами, Николетт! Природа наделила ее такими достоинствами, что трое

мужчин могут одновременно пожирать ее наглыми взорами, а я ничего не в силах поделать.

Мадам Джордан рассмеялась и ущипнула его.

– Ах эти ревнивые мужья! Ну разве не восхитительно, дорогая?

Мегги перевела взгляд с Николетт на дядю, впервые ступив на неизведанную территорию взрослого, такого заманчивого мира.

– Да, мэ... если хорошенько подумать... это вправду восхитительно.

За бальным туалетом последовала темно-синяя амазонка, такая красивая, что Мегги едва не заплакала от восторга!

– О Боже, дядя Дуглас, она слишком хороша для меня! – прошептала она, осторожно проводя кончиками пальцев по ткани, услужливо поднесенной поближе одной из помощниц мадам.

– Завтра мы снова приедем заказать еще несколько туалетов и примерить твой бальный туалет. И это только начало. Завтра вечером на балу у Рэнли ты будешь выглядеть настоящей принцессой. Николетт, ее дебют состоится через две недели, и я хочу, чтобы вы придумали для нее нечто особенное.

– Обещаю, – согласно кивнула мадам, и если Мегги не ошибалась, – а она вряд ли ошибалась, поскольку не раз видела то же выражение в глазах Мэри Роуз, – так вот, в темных красивых глазах мадам блестело чистейшее вожеление. Однако держалась она безупречно вежливо и даже проводила заказчиков до двери.

– Она... э-э-э... в самом деле весьма ценит вас, дядя.

Черные брови мигом взлетели вверх.

– Тебе всего восемнадцать, Мегги, и, как дочь священника, ты просто не должна разбираться в подобного рода отношениях между мужчинами и женщинами.

– Не забудь, я живу с отцом и Мэри Роуз, – рассмеялась девушка. – Эти двое... смеются, обнимаются и целуются украдкой, особенно когда думают, что остались одни, чего никогда не бывает в доме викария. Более того, две недели назад ко мне в спальню заявился Рори, ужасно перепуганный, потому что, по его словам, мать пронзительно вопила. Не совсем же я идиотка, дядя Дуглас!

– Твой отец – очень счастливый человек, – все, что сообразил ответить Дуглас на это откровение. Правда, позже он ухмыльнулся и пробормотал: – Хотелось бы мне услышать, каким именно образом тебе удалось успокоить Рори. Так вот, Мегги, я должен кое-что тебе сказать. Здесь, в Лондоне, ты прекрасно проведешь время. Пойми, ты не охотишься за мужем, а просто развлекаешься. И никто не заставляет тебя обращать внимание на всяких болванов. Все это идея твоей бабки, а не наша. Твой отец полностью со мной согласен. Учти, поскольку у тебя неплохое приданое, немало мужчин будет пресмыкаться перед тобой в надежде заполучить богатую наследницу. Берегись тех, кто всегда готов преступить границу. Ясно?

– О да. Тетя Алекс рассказывала, как ее буквально заставили вешаться тебе на шею, потому что ее папа отчаянно нуждался в деньгах, но поскольку мне ничего подобного не грозит, остается лишь улыбаться и флиртовать, с кем я только пожелаю. Папа твердил, что мое дело – вальсировать, попытаться усвоить обычаи света и оставаться скромной и приветливой. Мэри Роуз желает, чтобы я посмотрела все новые пьесы. Так что, если хорошенько поразмыслить, дядя Дуглас, по-моему, папа страстно мечтает о том, чтобы я вышла замуж и покинула родной дом не ранее тридцатилетнего возраста.

– Вполне возможно, – с улыбкой согласился Дуглас, решив про себя, что тоже вряд ли хотел бы видеть мужчину рядом со своей дочерью, если таковая когда-нибудь появится на свет.

– Бабушка Лидия говорит, чтобы я держала ухо востро, иначе окончу жизнь старой девой, как едва не окончила тетя Синджен. Все уверяет, что восемнадцать лет – лучший возраст для брака.

– Матушка, благослови ее Господь, с годами не меняется, – усмехнулся Дуглас. – Не волнуйся, Мегги, главное – ты развлекаешься и побываешь на всех лондонских балах, а остальное пустяки.

В вечер бала у Рэнли Алекс, расправляя складки темно-розового шелкового платья, блаженно вздохнула:

– Я так рада, что линия талии наконец спустилась до положенной ей границы.

– С другой стороны, – заметил Дуглас, оглядывая жену, – тебе изумительно шел покрой ампир, тем более что он подчеркивал все твои достоинства.

Мегги не особенно удивилась обмену репликами, успев послушаться подобных диалогов тетки и дяди. Мало того, она заметила, как пальцы Дугласа скользнули к плечу Алекс, помедлили... и рука снова упала.

Усадив дам в экипаж, дядя постучал по потолку и, когда карета тронулась, пояснил племяннице:

– Тебя примут со всем почетом, поскольку, честно говоря, никто не посмеет оскорбить мою родню. Кроме того, нас с Алекс любят в обществе, впрочем, как и твоего дядю Райдера и тетю Софи. Постарайся быть собой, моя чаровница, а если не поймешь, как вести себя в определенной ситуации, спроси Алекс или меня.

– Все это довольно страшно, – призналась Мегги. – И подозреваю, что здешние балы сильно отличаются от тех, что даются у нас, в Гленклоуз-он-Роуэн.

– Люди везде одинаковы, – утешала Алекс. – Только наряды и драгоценности здесь куда роскошнее.

– Некоторые просто идиоты, – констатировал Дуглас.

– А некоторые нет, – возразила Алекс. – Совсем как дома.

– Однако, – продолжал Дуглас, – как я уже говорил, если поступки какого-то мужчины тебе не понравятся, немедленно прикажи ему удалиться. Потом покажешь мне негодяя, и я потолкую с ним по-своему.

– Да, Дуглас умеет поставить человека на место, хотя давно уже не практиковался, – подтвердила Алекс.

Дуглас со вздохом скрестил руки на груди.

– Подумай, Алекс, еще несколько лет – и наши мальчики вылетят из гнезда и окажутся в Лондоне одни. Можешь себе представить, в какие только передраги они не попадут!

Алекс тихо застонала. Мегги весело хихикнула и закатила глаза при мысли о близнецах Джеймсе и Джейсоне, самых красивых из всех молодых людей, которых она знала. Можно себе представить, какой фурор они произведут в бальных залах и сколько дам будут падать в обморок от избытка чувств.

Лорд и леди Рэнли приветствовали гостей у подножия величественной лестницы, ведущей к предмету их радости и гордости – бальному залу, занимавшему весь второй этаж.

– Первый отпрыск Шербруков, появившийся в обществе, – объявила леди Рэнли, улыбаясь Мегги. – Повезло вам с семьей, дорогая. С вами многие мечтают познакомиться. Надеюсь, вам у нас понравится.

– О да, леди Рэнли, – пробормотала Мегги, – тетя Алекс велела мне танцевать, пока не протру дырки в подметках.

Далее все пошло как по маслу. Девушка улыбалась, смеялась, шутила с окружающими, которые, в свою очередь, были чрезвычайно с ней приветливы. Молодые джентльмены подходили к ней и оставались или приглашали на танец. Как раз перед полуночным ужином она заметила высокого мужчину, показавшегося ей знакомым. Мегги нерешительно склонила голову набок, наблюдая за ним. Они наверняка уже встречались, но где? Эту посадку головы она уже видела раньше. Однако дело было не только в этом. Она вдруг ощутила удар в сердце, отдавшийся в самых кончиках пальцев ног, нужно признать, и без того нывших от непривычных усилий: Мегги ухитрилась не пропустить ни одного танца.

Девушка распознала внезапно нахлынувшее чувство, отголоски которого до сей поры хранила в душе. Она ничего не забыла. Это чувство просто дремало много лет и вот теперь пробудилось.

Все еще глядя в его сторону, она подошла к тете Алекс. Сердце билось медленными, глубокими толчками. Почему он не оборачивается? Это должен быть он, просто обязан быть!

– Веселишься, дорогая?

Мегги с трудом оторвала от него взгляд.

– О да! Только что танцевала с виконтом Гловером. Прекрасно говорит по-испански и желает перестроить полученный от отца дом.

– Вот как? Интересный молодой человек. По-моему, жена его в прошлом году умерла родами.

Мегги рассеянно кивнула. Ей было не до виконта.

– Кто этот человек, тетя Алекс? Тот, что беседует с тремя джентльменами под большой люстрой?

Как раз в эту минуту за спиной жены появился Дуглас.

– Какой человек?

– Вон тот, – кивнула Мегги. Дядя чуть прищурился, стараясь получше разглядеть неизвестного, и тот повернулся, словно ощутив, что на него смотрят.

– Ну и ну! – ахнул Дуглас. – Что за приятный сюрприз! Не знал, что он в Лондоне!

Мегги окаменела. Неудивительно, что этот мужчина не только выглядел знакомым, но и произвел на нее такое воздействие! Это Джереми Стэнтон-Гревилл, младший брат тети Софи! Мегги влюбилась в него, когда ей было тринадцать, а ему, тогда необузданному молодому человеку, – целых двадцать четыре! В то время она, можно сказать, пала к его ногам без малейшего сопротивления и мечтала только о нем.

– Странно, что ты не узнала его, – удивился Дуглас. – Это Джереми Стэнтон-Гревилл, один из твоих бесчисленных кузенов.

– О нет, дядя Дуглас. Он мне не настоящий кузен, – выпалила Мегги, так обрадованная этим фактом, что едва не завопила от облегчения и посланного ей чуда. Наконец-то он вернулся в ее жизнь, и теперь она для него достаточно взрослая. – Скорее, почти кузен.

Глава 3

Мегги снова смотрела на него, смотрела еще пристальнее, так, что это становилось неприличным. Краем сознания она понимала, что нужно держать себя в руках, иначе все в этом зале сочтут ее невоспитанной идиоткой.

– Он немного изменился. Разумеется, ведь прошло довольно много времени с тех пор, как мы виделись в последний раз. Боже, совсем не помнила, что он так высок и так элегантен. Это он смеется? Да, я уверена, что это он. Чудесный смех, раскатистый и звучный, вам не кажется? И он...

Мегги с усилием отвела себя от пропасти и поперхнулась, потому что тетка почти с ужасом уставилась на нее. В понимающем взгляде читалось явное возмущение.

– Д-да, – пробормотал Дуглас, поворачиваясь к племяннице. Неужели это та самая умная, способная девчушка, благосклонный тиран собственных братьев и повелительница всех кузенов мужского пола? Но девочка выросла. Значит, Джереми Стэнтон-Гревилл? Да ведь их разделяет добрая дюжина лет – чересчур много, по мнению Дугласа. Правда, Джереми еще не женат, иначе Дугласа успели бы уведомить.

– Ну что же, – спокойно выговорил он, – пойду приведу Джереми. Почему бы нам не поужинать вместе? Не возобновить старое знакомство?

– Разумеется, – кивнула Алекс. – Всегда интересно вспомнить былое, не так ли, Мегги? Мы не виделись уже лет пять. Похоже, из него вышел прекрасный молодой джентльмен.

– Да, – согласилась Мегги, не сводя с него глаз. – Как я выгляжу, тетя Алекс? Мое платье? Волосы? Нос не слишком блестит?

– Ты настоящая красавица.

«Вот тебе флирт, веселье, хорошее времяпрепровождение и никакой охоты на мужа!» – подумала Алекс. Недаром прекрасные глаза племянницы сияют неприкрытой любовью при виде Джереми Стэнтон-Гревилла, беседующего с Дугласом! Он действительно неплох. Ростом чуть ниже Дугласа, широкоплеч, с темно-каштановыми волосами и карими глазами.

Улыбнувшись, он повернулся и вместе с Дугласом направился к ним, чуть прихрамывая на ходу. Алекс вспомнила, что у Джереми от рождения была изуродованная стопа, что, если верить его шурина Райдеру, ничуть не мешало молодому человеку. Во всяком случае, Райдер позаботился, чтобы он умел грязно драться и скакать подобно кентавру. Если верить тому же Райдеру, во времена учебы в Итоне он был настоящим ужасом для преподавателей.

По мере приближения Джереми ком в животе Мегги сжимался все туже, скручивая внутренности в тугой узел. Она чувствовала себя провинциальной неуклюжей дурочкой. В голову не приходило ни единого слова. Единственное желание одолевало ее: броситься ему на шею и умолять жениться на ней.

Но... но, может, пока еще рановато? Не слишком ли она спешит? Лучше завтра... или даже послезавтра...

Мегги откашлялась. Она должна сказать что-то, попытаться очаровать его, выказать остроумие... если, конечно, способна на такой подвиг.

О Господи! Что сейчас будет?!

* * *

В три часа утра Мегги заползла под одеяло и легла на спину. С лица не сходила идиотская улыбка, но теперь значения это не имело. Она бурлила счастьем и предвкушением еще большей радости. Голова шла кругом, в жилах кипела кровь, и она была готова кричать о своей удаче украшающим потолок

херувимам.

Вообразите только, всего неделю в Лондоне и уже встретила Джереми Стэнтон-Гревилла! Своего будущего мужа.

Джереми Стэнтон-Гревилл. Мегги Стэнтон-Гревилл. Леди Стэнтон-Гревилл. Чудесно звучит. Можно сказать, идеально!

Как он прекрасен! Уму непостижимо! Он, почти кузен, которого Мегги знала чуть не всю жизнь, приехал в Лондон чуть ли не одновременно с ней. Конечно, конечно, это знак того, что он послан ей Богом, специально для того, чтобы увидеть повзрослевшую Мегги Шербрук и броситься к ее ногам! О да, когда-то ей было тринадцать: голосистая, властная девица, при каждом удобном случае награждавшая оплеухами братьев и кузенов. Не слишком-то привлекательный образ, ничего не скажешь. А вот ее воспоминания о Джереми... Перед глазами возникал образ молодого человека, постоянно находившегося в движении: галопировавшего на резвом коне, всегда растрепанного, всегда смеющегося, белозубого, веселого, невероятно красивого. Правда, он был неизменно поглощен собой. Но какая теперь разница? Она полюбила его с первого взгляда. С тринадцати лет. Он приехал в гости вместе с тетей Софи. Стоило ей увидеть его, и все было кончено. Она не выпускала его из виду. Потом он уехал, и прошло немало времени. Целых пять лет. И потому что она была совсем молода, и вокруг оказалось столько всего интересного, и дел накопилось немало, она совершенно забыла и о нем, и о том впечатлении, которое он на нее произвел. Но стоило ему появиться вновь, и былое вернулось, а вместе с ним и прежние чувства, поразившие ее прямо в сердце. Если уж говорить о жаре в крови, ее собственная просто кипела. Какие поразительные ощущения!

Значит, она все-таки не забыла его окончательно!

Мегги улыбнулась в темноту.

Сегодня вечером она поняла, что все изменилось. Стало другим. Когда он взял ее руку и улыбнулся, показывая чудесные белые зубы, ей так хотелось броситься в его объятия. Что будет потом... ах да, поцелуи, дождь поцелуев! Разумеется, до этого далеко, но даже просто танцуя с ним, она умирала от счастья.

Обменявшись с родственниками несколькими вежливыми фразами, Джереми спросил дядю Дугласа, нельзя ли навестить их... сегодня... и ждать осталось не более восьми часов!

Он объяснил также, что ему нужно сегодня быть на другом балу и как ни жаль уходить, но приходится. Перед тем как попрощаться, он взял Мегги за руку, снова улыбнулся с высоты своего немалого роста, сказал, что она выросла настоящей красавицей, и поцеловал в щеку.

– Молодые люди будут драться за каждую улыбку, – пообещал он, – и падать на колени, сраженные твоим взглядом.

– Я частенько ставила Макса, Лео и Алека на четвереньки, чтобы Рори мог ходить по их спинам, – выпалила она, а сама подумала: «Я хочу видеть на коленях одного лишь тебя!»

Джереми разразился смехом.

– Рори так наловчился, что просил их вставать не рядом, а на расстоянии друг от друга, чтобы перепрыгивать с одной спины на другую. То же самое мальчики проделывали и для Клеопатры, нашей кошки.

– Я и запомнил насчет кошачьих бегов. Не знал, что ты тоже в этом участвуешь.

– О да, я официальный тренер Мистера Корка. Он нынешний чемпион, по крайней мере до следующих бегов. Посмотрим, что будет дальше. Прыжки Клео с каждым разом становятся более длинными и точными. Не припомню, вам нравятся кошачьи бега?

– Не слишком, – покачал головой Джереми. – Я люблю лошадей. Ты должна признать, что кошачьи бега довольно смешны по сравнению со скачками.

Но это вовсе не так!

Мегги чуть отшатнулась, словно от удара, но постаралась взять себя в руки.

– Жаль. Я уверена, рано или поздно вы измените мнение, – обронила она. Ничего, все еще образуется. Она будет заниматься кошачьими бегами, а он – конскими скачками. Идеальный брак!

– Забавная картина – прыгающая кошка и Рори, – усмехнулся Джереми. – Сколько ему сейчас?

Мегги сама не заметила, как заснула, и видела во сне, что Клео победила Мистера Корка в состязаниях, длившихся не более трех секунд. Клео присела на задних лапах, оттолкнулась и двумя огромными прыжками оказалась за финишной чертой.

Еще один знак! Мегги была просто уверена в этом, когда проснулась в девять часов утра, переполненная таким возбуждением, что к горлу подкатывала тошнота. Никогда раньше она не испытывала подобного волнения и страха. Что же, если даже ее вырвет, значит, такова цена переживаний, и она с радостью ее заплатит. Да-да, сон о Клео – хороший знак. Два скачка, два грациозных летящих скачка, и Мегги заполучит его.

Джереми Стэнтон-Гревилл, барон Гревилл, владелец Кардинал-Хауса в Фауи, прибыл в городской дом Шербруков ровно в одиннадцать утра.

Дарби, которому едва исполнилось пятьдесят, вступил в должность дворецкого за полгода до описываемых событий и все еще не мог нарадоваться своему везению. Кроме того, остальные слуги наконец признали его власть. Он прекрасно сознавал, какое впечатляющее зрелище представляет своими размеренной скользящей походкой, величественной осанкой и поразительно хорошо отглаженными черными панталонами и белоснежной сорочкой.

Он знал Джереми еще девятилетним мальчиком, только что прибывшим в Англию с Ямайки. Что за красавцем он стал! В свой последний приезд он еще был беззаботным молодым повесой, беспечным и неукротимым, только что вступившим в Клуб четырех коней, носившим цвета этого клуба и ежеминутно рискующим свернуть себе шею, упав с лошади.

Впервые с той минуты, как хозяин назначил его дворецким, Дарби широко улыбнулся, показав дыру на месте глазного зуба.

– Да это же Дарби, верно?

– Да, милорд.

– Господи Боже мой! Вижу, вы достойно управляете домом! Поздравляю. – И Джереми пожал руку дворецкому, отчего того едва не хватил удар.

– Ах, милорд, сколько лет, сколько зим! Похоже, мы не встречались с самого... когда же это? Да, с сентября восьмьсот пятнадцатого, с торжеств по случаю окончательного падения Наполеона. Как поживаете?

– Прекрасно, Дарби, лучше некуда. Много путешествовал, добрался до самой Ямайки, проверил, как там моя плантация, а потом отправился в Балтимор.

– В Балтимор? Но зачем вам вдруг понадобился Балтимор?

Джереми обернулся на звук голоса Мегги и ослепительно улыбнулся девушке.

– Здравствуй, Мегги! Да, я только что рассказывал Дарби, как провел несколько лет на Ямайке, на Камилл-Холл, моей плантации сахарного тростника, а потом погостил в Балтиморе у Джона Уиндема и его семьи. Джон разводит скаковых лошадей. В его конюшне имеется лучший во всей Америке жеребец-производитель. Я многому там научился.

– Думаю, вы и без того немало знали, Джереми. Недаром выросли на попечении моего дяди Райдера.

Джереми осторожно взял протянутую руку.

– Просто не поверите, но я немало усвоил насчет разведения скаковых лошадей и самих скачек. И теперь хочу устроить племенную ферму в своем доме в Фауи. Поэтому перед тем как начать, должен научиться всему, что только можно.

Одно лишь прикосновение руки, и Мегги едва не проглотила язык. И это она, всю свою жизнь проведшая в мужском обществе! Почему раньше нечто подобное ничуть ее не волновало? Правда, до сих пор до нее обычно дотрагивались родственники, и, согласитесь, в этом нет ничего возбуждающего. Джереми хоть

и родственник, но не совсем. В их жилах нет общей крови. И она не помнит, чтобы раньше он касался ее... разве что брал за руку при встрече и расставании. Она помнила только, как стоит рядом, уставясь на своего бога, готовая поклоняться ему с любого расстояния.

– Наверное, конские скачки приносят куда больше денег, чем кошачьи бега, – выдавила она, глядя на его руку, сжимавшую ее ладонь. Ей так не хотелось отпускать его. Джереми молчал, вскинув брови на добрый дюйм. Мегги, тихо охнув, неохотно разжала пальцы.

– А твой отец приехал? – осведомился Джереми. Девушка покачала головой, шагнула к нему, но тут же опомнилась и остановилась. Где ее рассудок? Исчез, испарился, покинул ее. Стоило увидеть его, услышать, понаблюдать, как он жестикулирует, и разум быстренько избавил ее от своего присутствия.

– Нет, отец и Мэри Роуз не смогли пока оставить Гленклоуз-он-Роуэн. Может, недели через две они приедут и увидят меня во всем блеске новых нарядов. Кстати, дядя Дуглас и тетя Алекс в гостинной. Я... э... услышала ваш разговор с Дарби и решила сама отвести вас к ним.

«Неубедительно, Мегги, крайне неубедительно», – подумала она, заметив, как недоуменно моргнул Дарби. Остается надеяться, что он догадается держать рот на замке. Дарби крайне серьезно относился к своим обязанностям, а тут она ни с того ни с сего вылезла и вмешивается! Впрочем, кому какое дело?

Она снова схватила Джереми за руку и потянула за собой.

– Сюда.

– Ты выросла, Мегги, – заметил он своим прекрасным бархатистым голосом, – и превратилась в принцессу.

Мегги застыла на месте.

– Спасибо. Вы тоже стали очень высоким и красивым. Хотя в моей памяти всегда таким и оставались. Думаю, когда мы в последний раз виделись, вам было двадцать три или двадцать четыре.

– Что-то в этом роде.

Его темно-карие глаза лукаво искрились, словно он был уверен, что она ему льстит... как родственница родственнику.

Черт... ад проклятый!

– Джереми, я рада, что вы здесь. – «Похоже на перст судьбы», – хотела добавить она, но промолчала. В этот момент на пороге появился дядя Дуглас, хлопнул Джереми по спине и повел здороваться с тетей Алекс. Мегги не тронулась с места, пока не услышала смущенный кашель Дарби.

– Мисс Мегги, что-то не так?

Девушка медленно обернулась.

– Да, Дарби, к сожалению, и мне нужно понять, что с этим делать.

– Он стал настоящим мужчиной. Верно?

Мегги кивнула.

«Не просто настоящим. Он был необыкновенным, еще когда мне только исполнилось тринадцать. Теперь он здесь и предназначен мне. Мне одной. Спасибо тебе, Господи».

– Мегги! – окликнул дядя Дуглас. – Попроси Дарби принести нам чаю с пирожными!

– Сию минуту, мисс Мегги, – пообещал Дарби, слегка поклонился и исчез в глубине большого дома.

Не успела Мегги переступить порог, как до нее донесся звонкий голос Алекс:

– Неужели вы не знали, Джереми, какая превосходная наездница наша Мегги? А, вот и ты, любовь моя. Иди, садись рядом и послушай, что рассказывает

Джереми.

– Когда мы в последний раз встречались, Мегги, тебе было всего тринадцать, и ты повсюду таскала за собой малыша Алека, обучая его названиям цветов. Я спросил у тебя название какого-то розового бутона, и ты растерялась, ответила, что не помнишь, а потому изобрела его сама, и не одно, а несколько, так что Алек даже не сумел повторить все. Если я не ошибаюсь, он даже срыгнул.

Мегги широко улыбнулась.

– Я пообещала отцу и Мэри Роуз, что, если у них будут еще дети, я сама научу их всему. Но названия цветов мне никак не давались, ни тогда, ни сейчас. По мне роза есть роза, а все остальное – набор различных запахов. Алеку уже семь, представляете? А Рори – четыре.

– С удовольствием жду встречи с твоей семьей.

– Сколько ты пробудешь в Лондоне, Джереми? – осведомился Дуглас.

– Видите ли, дядя Дуглас, я приехал сюда по весьма важному поводу. Пока еще побуду в столице, а потом вернусь домой, в Фауи.

Мегги выпрямилась. Слова так и сыпались с языка, потому что она, похоже, никак не могла сдержаться.

– Ну же, Джереми, не молчите! Признайтесь, вы приехали специально, узнав о моем первом сезоне?

«Ты приехал, потому что не мог иначе? Нечто непонятно сильное привело тебя сюда, и теперь, увидев меня, ты понял, что именно».

Но вид у Джереми сделался абсолютно непонимающим, правда, только на мгновение.

– Не только о твоём сезоне, Мегги.

Он немного помедлил, открыл рот, взглянул на тетку с дядей, словно собираясь добавить что-то, но в этот момент Дарби объявил с порога:

– Милорд, кухарка послала вам свои любимые лимонные пирожные. Уведомила меня, что лорд Стэнтон-Гревилл также любит их больше всех остальных.

– Совершенно верно, – кивнул Джереми. Беседа как-то не заладилась, и Алекс принялась разливать чай и передала по кругу блюдо с пирожными.

– Восхитительно! – воскликнул Джереми. – Кстати, Мегги, как поживает Оливер в своем Килдрамми? Я вот уже с полгода не получаю от него писем.

– Наверное, потому, что он слишком счастлив, – с усмешкой объяснила Мегги. – Видели бы вы, как он перепархивает через овцеубийц, которых еще не сумели заровнять: помните эти глубокие овраги, куда вечно падают овцы? Эти животные настолько глупы, что даже не замечают опасности! Знаете, он за эти годы сумел засыпать немало таких провалов. О да, Оливер ужасно счастлив. Так и слышу, как он насвистывает, считая овец, коров и коз, и отдает приказы относительно очередного переустройства, вижу его сияющую улыбку, которой он приветствует всех и каждого в деревне. – Она замолчала, давая окружающим возможность посмеяться, и продолжила: – Кроме того, в прошлом месяце он признался, что готов жениться.

– Господь милостивый! – ахнул Джереми, подавившись пирожным. – Оливер – и жениться?! А я думал, что его вполне устраивает холостяцкая жизнь!

– Кажется, ему уже тридцать, – заметил Дуглас. – На меня надели ошейник в двадцать восемь. Оливер уже почти старая дева, и я много раз твердил ему, что он вполне созрел.

– Точно, – подтвердил Джереми, расплываясь в дурацкой улыбке. – Я тоже созрел. Возможно, так предопределено судьбой.

– Прекрасная мысль, – обрадовалась Мегги, почти готовая броситься ему на шею.

– По-моему, Дуглас не был особенно зрелым, – бросила Алекс, приветственно поднимая свою чашку.

– При одной мысли об этом ужасно хочется бренди. Джереми, присоединишься ко мне?

– Нет, спасибо, дядя Дуглас. Мне нужно идти. Я просто мечтал увидеть вас, убедиться, что все в порядке, и теперь я доволен. И ужасно рад, что малышка Мегги выросла.

Он поднялся, обнял Алекс, потряс руку Дугласа и шагнул к Мегги. Ей ужасно хотелось поцеловать его, повалить на пол и целовать, пока у него не помутится в голове. Хотелось, чтобы он стонал... так, как стонали отец и Мэри Роуз, когда считали, что рядом никого нет.

Джереми взял ее руку, немного помедлил... чертова родственная приязнь, ничего более.

– Желаю тебе самого успешного сезона, дорогая.

И в этот момент Мегги как нельзя яснее поняла, что Джереми не испытывает к ней и сотой доли тех чувств, что питает к нему она. Что же, ведь до сих пор он знал всего лишь тринадцатилетнюю девчонку, и ее просто трясет от обиды. Тогда он уже был взрослым. И увидел ее впервые за много лет всего пятнадцать часов назад. Нужно дать ему чуть больше времени, произвести такое впечатление, чтобы он по уши влюбился и забыл обо всем.

– Дядя Дуглас и тетя Алекс, – с ангельски-бесхитростной улыбкой произнесла она, – теперь уже не встают засветло, как бывало прежде, – (бессовестная ложь, но родственники ей простят), – а я так люблю прогулки верхом на рассвете, когда в парке никого нет. Мне так хотелось бы проехаться с вами, Джереми! Не могли бы вы заехать за мной в семь утра? Или для вас это чересчур рано?

– С огромным удовольствием, – объявил Джереми без колебаний. – Буду счастлив своими глазами увидеть знаменитую всадницу во всем блеске. До завтра, Мегги.

Он стиснул ее руку и исчез. Она слышала, как он сказал что-то Дарби. Входная дверь захлопнулась.

– Он пробыл у нас всего четверть часа, – сообщила Мегги тетке и дяде, после чего, напевая, покинула комнату.

– Мне это не нравится, Алекс, – буркнул Дуглас, опрокидывая бокал бренди. – Совсем не нравится. Он слишком стар для нее. Мало того, не думаю, что он вообще ее увидел... понимаешь, о чем я?

– Интересно, – ответила Алекс, кивнув, – что он собирался сказать нам, перед тем как вошел Дарби?

– Не знаю. А может, и знать не хочу. Надеюсь, речь шла о его новом жеребце-производителе. Я слышал, что он ведет дела с Маркусом Уиндемом. Вот человек, с которым я с радостью выпил бы.

Черные брови неожиданно взлетели вверх.

– Когда это мы стали слишком старыми, чтобы ездить по утрам?! Ладно, так и быть, завтра утром останемся дома. В конце концов, мы добрались до постели почти в три утра.

Жена поднялась и подошла к нему. Сегодня она надела прелестное платье из мягкого розового шелка, как он заметил, вырезанное так низко, что почти вся великолепная грудь была на виду. Алекс коснулась его рукава и, улыбаясь одними глазами, прошептала:

– А потом ты решил показать, как сильно меня любишь, Дуглас.

Дуглас впился глазами в едва прикрытые груди, хмыкнул и налил себе еще бренди. Поразительно, но пальцы до сих пор зудели при мысли о прикосновении к этой атласной коже.

Глава 4

Мегги надела новую темно-синюю амазонку с пеной кружев у горла, перехваченную на талии тонким поясом из ткани. Широкие юбки раскинулись

элегантными складками по спине Элинора. Из-под подола выглядывали мыски черных сапожек. Она едва сдерживала нетерпение в ожидании приезда Джереми Стэнтон-Гревилла. Стэнтон-Гревилл. Мегги всегда считала, что двойные фамилии звучат довольно абсурдно, но если все пройдет так, как она мечтает, значит, у нее тоже появится такая. Удивившись себе самой, она вздрогнула. Мегги Стэнтон-Гревилл. Идеально звучит!

Она глубоко вздохнула, преодолевая тошноту. Но стоит ли отрицать? Она хочет выйти за Джереми Стэнтон-Гревилла, хотя знает его меньше суток! Просто безумие!

Нет-нет, он же не совсем чужой человек! Далекое не чужой! Она знала, что он принадлежит ей, с того дня, как ей исполнилось тринадцать! И что же, что она забыла его на целых пять лет? Он скорее всего тоже ее не помнил!

И если хорошенько призадуматься, двойная фамилия весьма необычна и даже изысканна.

Она просто жаждала заполучить такую.

Была ровно половина восьмого утра, сырого холодного утра. Низко над головой нависали пухлые дождевые тучи, казавшиеся Мегги самыми красивыми на свете. Да и утро, в представлении девушки, было идеальным, обещавшим куда больше, чем вчерашний день, дарующим куда больше счастья, чем предыдущий час.

Дождь, конечно, пойдет, но далеко не сразу, по крайней мере так уверял старина Хэмиш, главный конюх, шестидесятилетний, узловатый, как старый дуб, и признанный предсказатель погоды. Она, вне всякого сомнения, успеет уговорить Джереми спешиться и поискать романтическое убежище до того, как начнется ливень. Для этого ей необходимо всего два часа, а может, и меньше. Она полна решимости. Готова на все. Самое главное сейчас – направить все мысли Джереми на нее. Только на нее. Ей просто необходимо помочь ему понять истинную цель его появления в Лондоне.

Где-то на горизонте прогремел отдаленный раскат грома.

Ах, пусть будет дождь, ей все равно! Только вот как быть с ее новой амазонкой?! Прелестной модной шляпкой? Нет, ей важен только Джереми и то, что он

почувствует, когда она изольет ему свое сердце! Не сразу, нет, это удивит его, а может, и испугает... да и кого не испугает девушка, признавшаяся, что любит мужчину с тринадцати лет?! Она должна сдерживаться, пока не настанет время. Пока он не взглянет на нее и не поймет, что именно она его вторая половинка.

Девушка подняла глаза, увидела двух всадников, мчавшихся ей навстречу, и отвернулась, поджав губы. Ад проклятый, она не желает видеть чужих людей рядом с собой! Только Джереми, одного только Джереми...

Но лошади продолжали лететь прямо на нее. Мегги склонила голову набок и вгляделась в даль. Вгляделась пристально.

И увидела мужчину и женщину. Мужчина, выглядевший как чертов кентавр и скакавший на великолепном вороном берберском жеребце, оказался Джереми Стэнтон-Гревиллом. Что же до женщины, пропади все пропадом... она совсем молода... и держится чересчур близко от Джереми!

Сердце Мегги заколотилось медленными, тяжелыми ударами. Она вдруг захлебнулась воздухом, потому что, оказывается, забыла, как нужно дышать. И застыла, не шевелясь, словно статуя.

Джереми помахал ей, и уже через секунду оба оказались совсем близко, не более чем в трех футах от носа Элинора.

– Мегги, – приветствовал Джереми, подъезжая чуть ближе и протягивая руку. – Как я рад, что ты здесь! Мне все казалось, что ты не решишься приехать. Сегодня несколько холодновато, не находишь?

– Да, знаю, – кивнула Мегги. – Я хотела видеть тебя. – Но сейчас она смотрела не на него, а на ослепительно прекрасную молодую леди, красивее которой еще не встречала. Блестящие черные волосы тугими локонами обрамляли лицо и были искусно уложены узлом на затылке. Так много черных волос... куда более густых, чем заслуживает любая женщина... и слегка прикрытых элегантно маленьким цилиндром с длинным изогнутым пером, ласкавшим щеку. И такая чудесная белая кожа! Поразительная внешность. Ничего удивительного, если окажется, что ее чертово имя – Елена Троянская!

Богиня улыбнулась ослепительной, доброй улыбкой, осветившей огромные синие глаза.

– Шарлотта, – сказал Джереми, – познакомься с одной из самых моих любимых кузин, Мегги Шербрук. Мегги, это Шарлотта Бирсфорд, моя невеста.

Невеста. Мир померк в глазах Мегги. Она как-то слышала выражение «coup de foudre», удар молнии, означающее любовь с первого взгляда. Но это была совсем другая молния, удар которой пронзил сердце и разорвал его на миллион осколков.

– Как поживаете? – вежливо спросила новая, другая Мегги, потому что прежняя молча умирала под копытами Элинора. И обе Мегги мечтали о том, чтобы небеса разверзлись, чтобы каждое свинцовое облако исходило ливнем, пока не поглотит все окружающее и она не утонет... Нет, пока не захлебнется мерзкая молодая леди по имени Шарлотта!

– Прекрасно, мисс Шербрук, благодарю вас, – ответила молодая леди и, усмехнувшись, легонько постучала концом стека по рукаву Джереми. – Я всегда говорила Джереми, что он происходит из достойной семьи. Его дядю Дугласа знает весь свет. Говорят также, что ваш отец – викарий и одновременно барон Бартуик из Килдрамми. Это так, мисс Шербрук?

– Да, – выдавила Мегги, мгновенно возненавидев Шарлотту Бирсфорд всеми силами своей души, от макушки до самых подошв ее элегантных светло-серых сапожек, идеально подходивших к цвету амазонки и проклятой модной шляпки.

– Мне еще сказали, что другой ваш дядя, мистер Райдер Шербрук, шурин Джереми, с недавнего времени заседает в палате общин. Весьма необычно для младшего сына, не находите?

– Совсем нет, – бросила Мегги.

Воцарилось такое ледяное молчание, что несколько озадаченный Джереми поспешил вмешаться:

– Мой шури́н ненавидит любые издевательства над детьми. И неустанно работает над законом, запрещающим детский труд.

– О, мне не терпится познакомиться с ним! – оживилась Шарлотта. – Мы с тобой не говорили на эту тему, но должна сказать, что испытываю те же чувства, что и твой зять. Просто плакать хочется при мысли о бедняжках, вынужденных с рассвета до заката стоять у ткацких станков.

Она кивнула Джереми, но почему-то обратилась к Мегги:

– На следующей неделе Джереми везет меня в Чедуик-Хаус, чтобы представить своей сестре и шурина. И еще в Брендон-Хаус, чтобы познакомиться с любимчиками.

Больше всего на свете Мегги желала, чтобы Шарлотта закрыла свой прелестный розовый ротик, тем более что все ее слова были пронизаны искренностью и добротой.

Будь она проклята, эта женщина!

Невеста Джереми.

– Мегги, – спросил Джереми, ставя коня сбоку от нее и делая знак Шарлотте встать по другую сторону, – может, поедем? А сегодня вечером вспомним твое вольное и необузданное детство. – Немного помолчав, он погладил ее по руке. – Я очень хотел представить тебе Шарлотту.

– Как заботливо с вашей стороны, – вымолвила Мегги, другая, застывшая Мегги, не та, что лежала мертвая, в осколках, на холодной земле. Когда несколько минут спустя начался дождь, она всего лишь улыбнулась, сначала Джереми, потом – Шарлотте, и добавила: – К сожалению, погода не располагает к прогулкам.

– До вечера! – крикнул вслед Джереми. Мегги не оглянулась. К тому времени, когда она добралась до дома Шербруков, ее чудесная амазонка промокла, шляпка больше никуда не годилась.

– Миледи! – ахнул Дарби при виде девушки. Алекс, вышедшей из библиотеки, было достаточно бросить взгляд на огромную лужу, в которой стояла Мегги, чтобы понять: случилось что-то очень плохое. И это очень плохое связано не с кем иным, как с Джереми Стэнтон-Гревиллом.

* * *

Мегги до конца дней больше не хотела видеть ни Джереми, ни Шарлотту. Нет, скорее, Шарлотту.

Она любила его так долго. И не важно, что не думала о нем несколько последних лет. Просто рожденные когда-то чувства все эти годы дремали в ожидании, пока она станет взрослой, готовые расцвести, когда ей придет пора искать себе мужа. И вот он пришел. Словно сама судьба привела его к ней.

Только он ее не дождался.

В этот момент Мегги решила, что никогда не взглянет на мужчину с чем-то, хотя бы отдаленно напоминающим симпатию. Зато она станет лучшим тренером кошек! Посвятит жизнь кошкам, родителям и братьям. Да-да, именно! Все постепенно успокоится, и, возможно, когда леди Донти уйдет на покой, она займет ее место, взойдет на возвышение трека Макколти и крикнет:

– Выпустить кошек!

Она с особенным старанием оделась к ужину и, стоя перед зеркалом, готовая спуститься вниз, твердо знала, что невозможно выглядеть лучше.

Мегги растянула губы в чем-то напоминавшем улыбку.

– Светло-розовый ужасно вам идет, мисс Шербрук, – заметила подошедшая Тимма, горничная тети Алекс.

– Спасибо, Тимма.

– А ваши прелестные волосы! Не зря я трудилась над прической!

Тимма прищелкнула пальцами.

Мегги снова пыталась улыбнуться, но не смогла.

- Спасибо, Тимма, - повторила она.

Дарби стоял у подножия лестницы, словно встречая ее. Оказалось, так оно и есть. Мегги позволила ему увести себя в гостиную. Там уже сидели Джереми и Шарлотта. Оказалось, что дядя Дуглас без ведома Мегги пригласил их к ужину. Едва она переступила порог, Джереми немедленно вскочил.

- Ничего не скажешь, Мегги, сразу видно, что тебе уже не тринадцать лет, - прошептал он, целуя ее руку, и, наскоро обняв, отступил. - Настоящая красавица!

- Спасибо, Джереми.

Но она видела, что его взгляд задержался на ее лице не более одного-двух мгновений, прежде чем устремиться в сторону Шарлотты. Вот она действительно напоминала сказочную принцессу в своем темно-синем шелковом платье с вырезом, не таким низким, как у тети Алекс, но все же обнажавшим упругую, очень белую плоть, при виде которой любой мужчина проглотил бы язык.

- Добрый вечер, мисс Бирсфорд, - кивнула Мегги Шарлотте. Та звонко рассмеялась.

- О, зачем же такие церемонии? Скоро мы породнимся. Я для вас просто Шарлотта.

К сожалению, Мегги не могла сказать: «Нет, жалкая нахалка с непристойно огромными грудями, я тебе не родня! С каким бы наслаждением я пустила бы стрелу в твое черное сердце!»

Поэтому она учтиво улыбнулась.

- Нет, мы не породнимся. Джереми мне не кузен по крови.

С этими словами она устремила взор на тетю и дядю.

Остаток вечера полностью выветрился из головы, как, впрочем, и следующее утро, когда она вместе с Дугласом и Алекс отправилась на верховую прогулку. Она пригнула голову к шее Элинон и отдалась на волю ветра, ерошившего волосы. Больше всего ей хотелось уехать домой, но она знала, что это невозможно и очень огорчит отца, Мэри Роуз и тетку с дядей, тем более что они с такой радостью приняли племянницу, сделали все возможное, чтобы ее первый сезон оказался удачным, чтобы она полной мерой испила чашу успеха! Хуже всего, если они узнают правду, этого Мегги не переживет. Поэтому она останется и будет наслаждаться столичной жизнью. Ад проклятый, будет наслаждаться каждой минутой следующих двух месяцев!

Мегги прикусила губу, чтобы не заплакать. Никогда больше она не заплачет из-за мужчины!

Вряд ли тетя и дядя понимают ее чувства к Джереми, и слава Богу! Хорошо, что она не проговорила! Придется веселиться, смеяться и показывать, как она счастлива!

Господи, как хочется задрать голову к тяжелым, вспухшим серым тучам и завывать во весь голос!

Мегги Шербрук провозгласили самой оригинальной особой лондонского сезона 1823 года. Из всего выводка дебютанток она пользовалась наибольшим успехом. Предполагалось, что голова ее закружится от бесчисленных побед и вскоре она задерет нос выше неба. Число ее почитателей все росло, пока леди Рэнли не изрекла, что имя им – легион. При этом она имела в виду тех джентльменов, которые не давали Мегги ни минуты покоя, и девушка рассмеялась бы, будь все это ей хотя бы чуточку небезразлично. Только ей было совершенно все равно.

Дядя Дуглас получил четыре предложения руки и сердца от самых завидных женихов. Каждое он обсудил с Мегги. Если бы какое-то заинтересовало ее, он немедленно отправил бы избранника к Тайсону. Но Мегги каждый раз упрямо качала головой.

– Сын лорда Марчема, Ланселот, – исключительный молодой человек, Мегги, и, похоже, не на шутку увлечен тобой. Не виноват же он, что родители дали ему такое имя.

– Нет, спасибо, дядя Дуглас, – прошелестела она, в четвертый раз повторяя одну и ту же фразу.

Дуглас писал Тайсону и Мэри Роуз каждую неделю. В первых письмах описывались успехи Мегги, в остальных – ее полное безразличие к джентльменам, превозносившим ее прелестные голубые глаза – наследственную черту Шербруков, изумительные волосы и искрящееся остроумие.

Преподобный Тайсон и Мэри Роуз, оба крайне встревоженные, прибыли в Лондон в последнюю неделю мая.

Мегги прижалась к отцу, чувствуя, как его ладони легонько гладят ее спину. Ей сразу стало легче.

– Папа, – прошептала она, уткнувшись ему в шею, – я хочу домой.

Тайсон чуть ослабил объятия и, отстранив от себя дочь, глянул ей в глаза.

– Ты встретила человека, который не ответил на твою любовь. Что же, очень печально.

Больше он ничего не сказал, и Мегги потом долго гадала, откуда ему все известно. Хоть бы только он не узнал, кто именно этот мужчина. Мужчина, которого хотела она и который не хотел ее.

– Может, и так, – пробормотала она. – Папа, я хочу домой.

– Хорошо, любимая. Давай покажем Мэри Роуз город, на это уйдет всего неделя. Сама знаешь, как она любит театр! А потом вернемся домой.

Второго июня Шербруки уехали в Гленклоуз-он-Роуэн.

В октябре все члены этого многочисленного семейства отправились в Сомерсет, в родовое поместье Бирсфордов Игл-Чейз, на свадьбу Шарлотты Бирсфорд и Джереми Стэнтон-Гревилла. Событие было на редкость пышным.

Присутствовали даже любимчики, и, ко всеобщему веселью, все пятнадцать детишек громко зааплодировали, когда викарий сказал, что Джереми может поцеловать новобрачную.

Глава 5

Март 1824 года

Гленклоуз-он-Роуэн

Мегги Шербрук вышла из церкви вслед за мачехой, Мэри Роуз Шербрук. Слева шагал Алек, справа – Рори, державшийся за ее руку. Она немного оттащила брата назад, чтобы занять место рядом с викарием, прощавшимся с каждым прихожанином. Лицо Рори, слава Богу, цвело здоровым румянцем. Вот только ладошка была липкой.

Для городка настали трудные времена. За последнюю неделю трое детей умерли от лихорадки неизвестного происхождения. Похороны состоялись одновременно, три дня назад. Сегодня, в воскресное утро, лица всех родителей были омрачены тревогой. Они пришли в церковь потому, что нуждались в ободрении. Проповедь отца была одновременно трогательной и рассудительной и даровала каждому некоторое утешение и спокойствие, в которых отчаянно нуждались люди.

– Я знаю, – начал он низким звучным голосом, – что все вы боитесь за своих детей. Я сам усердно молился Господу и просил пощадить моих мальчиков. И Господь послал мне озарение. Я понял, что он наделил меня разумом и здравым смыслом, а также решимостью перенести все невзгоды. Но я, как и вы, хочу уберечь своих детей – вполне естественное желание любого родителя. Поэтому и побеседовал с доктором Дрейфусом. Он считает, что все мы должны быть начеку, потому что лихорадка может разразиться снова, и просит всю следующую неделю не выпускать ребятишек из дома и держать их в тепле. Вероятно, им скоро наскучит сидеть взаперти, а вам захочется удушить их за

проказы, но придется потерпеть.

Среди прихожан пронесся смешок, и викарий едва заметно улыбнулся.

– Кроме того, нам необходимо молиться и надеяться, что принятых мер будет достаточно. Создатель дал нам силы, мужество и способность при необходимости перетерпеть страдания, болезнь и даже смерть. Все мы в этом не одиноки. С сегодняшнего дня доктор Дрейфус начнет посещать каждый дом, где будет осматривать детей. Мы выживем и забудем страшные дни.

Прихожане, тихо переговариваясь, проходили мимо стоявших в ряд викария и его семьи, которые пожимали руку каждому и гладили детей по головкам.

Лео несколько дней назад вернулся из Оксфорда навестить родных впервые за два месяца. Он был по-прежнему помешан на лошадях и собирался поехать на племенную ферму к Джереми учиться разведению породистых рысаков. Правда, Джереми писал, что ситуация несколько необычная, поскольку он сам пока еще ходит в учениках. Лео сообщил также, что Шарлотта, жена Джереми, ожидает наследника.

Мегги ничего на это не ответила и ничем не выразила своего отношения к планам брата. Впрочем, Лео и не спрашивал ее мнения.

Что же до Макса Шербрука, ревностного латиниста, который наконец превзошел мачеху в знании латыни, он объявил, что желает, как и отец, принять сан. Правда, сам Тайсон считал, что между ним и сыном есть большая разница. Макс так и лучился весельем и приносил с собой смех, совсем, как его дядя Райдер, – чудесное свойство, обретенное Тайсоном только после того, как он встретил Мэри Роуз. Он был очень доволен решением сына, зная, что тот вселит свет и радость в души паствы.

Услышав незнакомый голос, Мегги невольно вскинула глаза и обнаружила, что перед ней стоит человек, которого она раньше не встречала. Довольно молодой, лет двадцати пяти, очень высокий, совсем как дядя Дуглас, темноволосый и смуглый, как разбойник ночью: черные как смоль волосы и такие же глаза. Сразу понятно, что он немало времени провел в открытом море.

Кроме того, он выше и темнее Джереми, чья жена ждет ребенка... нет, нет, скорее убрать подальше этот комок боли...

Рори дернул ее за юбку. Опустив голову, она увидела, что он крепко сжимает остатки лакричной палочки, которую Мэри Роуз дала ему, чтобы сидел тихо во время отцовской проповеди. И хотя мать всегда наставляла сына держать лакомства в правой руке, на этот раз палочка перекочевала в левую, а на красивом новом платье расплылось безобразное пятно.

– О нет, Рори, только погляди, что ты наделал! Как ты мог?!

Рори покачал головой. Большие глаза наполнились слезами.

Прошептав, что сам не знает, как это вышло, он принялся энергично сосать пальцы. Мегги только головой качала. Она уже собиралась было идти дальше, когда малыш жалостно всхлипнул.

– Прости, Мегги, – попросил он и, поднеся ко рту ее юбку, попытался слизать пятно. Тут Мегги не выдержала. Раздражение мигом улетучилось. Разразившись смехом, она подхватила Рори на руки.

– Ах ты, мое маленькое солнышко, ну разве могу я сердиться на такого умника?

– Я все спрашиваю себя, – задумчиво произнес незнакомец, глядя прямо на нее, – обнимала ли меня вот так моя мать. И приговаривала ли при этом, что я ее маленькое солнышко и умник. Не знаю почему, но сильно в этом сомневаюсь.

Мегги, все еще смеясь, обернулась:

– Я не его мать, и только это обстоятельство спасает милую крошку от порки.

– Лорд Ланкастер, – весело вмешался Тайсон, – это моя дочь Мегги и один из моих сыновей, Рори. Лакрица помогает удержать его от проказ во время службы. Но иногда он забывается, и вот вам результат. Мегги, дорогая, это лорд Ланкастер. Он только что вернулся в Англию, чтобы войти в права наследования.

– Вот как? Лорд Ланкастер... до чего странно это звучит, – призналась Мегги. – Ваш отец был старым человеком, и к концу жизни почти совсем оглох. Мне очень жаль, что он умер, милорд.

Немного помолчав, она крепче обняла Рори и добавила:

– Однако он умер месяцев семь назад, и вас не было на похоронах.

– Совершенно верно.

И никаких объяснений, потому что это не ее дело.

Мегги тихонько вздохнула. Как умело он поставил ее на место! Но все равно во всем этом есть нечто загадочное. Она никогда не слышала, чтобы прежний лорд Ланкастер упоминал о сыне, хотя слуги иногда поговаривали о наследнике. Во всяком случае, при ней новый лорд Ланкастер ни разу не появлялся в Боуден-Клоуз. Неприятно, что в семьях подчас случаются подобные вещи.

– Добро пожаловать домой, милорд, – рассеянно кивнула она и понесла Рори домой. Мэри Роуз шла рядом, на ходу вытирая ручонки сына платком, смоченным водой из того колодца, что находился на краю кладбища. Когда старый лорд Ланкастер покинул этот свет в результате, если верить доктору Дрейфусу, сердечного приступа, Мегги почти не горевала о нем. Но она – человек посторонний. А вот почему сыну не было никакого дела до отца?

Она снова вспомнила о Рори, игравшем с матерью в прятки: малыш выглядывал из-за растопыренных, теперь уже чистых пальчиков и залиvisto хохотал. Случайно оглянувшись, Мегги заметила, что лорд Ланкастер стоит на прежнем месте, сложив руки на груди и глядя ей вслед.

Мегги опять подумала о том, как он высок и темен. Темнее безлунной ночи. В его лице есть нечто зловещее. Он словно ухитрился видеть всех и каждого, оставаясь при этом в тени... нет, что-то в последнее время ее одолевают фантазии: не слишком привлекательное качество для дамы, которой предстоит стать деревенской старой девой.

Во второй раз Мегги увидела Томаса Малкома, лорда Ланкастера, только в следующую пятницу вечером, когда Стрепторпы устраивали небольшое музыкальное суаре[З - Званный вечер (фр.)], да-да, именно так это слово произносилось на французский лад самой миссис Стрепторп, несмотря на презрительное фырканье супруга.

Миссис Стрепторп, ставшая куда разговорчивее, с тех пор как ее дочь Гленда вышла замуж и уехала к мужу, немедленно отвела в сторону Мэри Роуз и Мегги и, буквально раздуваясь от гордости, выпалила:

– Он не принимает никаких приглашений! Миссис Биттли уверяла, что он настоящий отшельник, да-да, возможно, потому что стыдится своего поведения. Подумать только, за двадцать лет ни разу не навесит своего дорогого папочку! Кое-кто из соседей помнит маленького мальчика и леди Ланкастер, но оба очень быстро уехали.

Вспомнив, что в доме полно гостей, она поспешно понизила голос.

– Говорят, что лорд развелся с женой. Что вы об этом думаете? Но теперь этот прекрасный молодой человек, и граф к тому же, все-таки согласился приехать, потому что, как я сказала мистеру Стрепторпу, против моей мольбы устоять невозможно! Я послала ему записку, написанную ужасно высоким слогом, и он в ответ прислал мне столь же благовоспитанное послание... кстати, у него изумительный почерк, уж кому судить, как не мне, – и теперь он вот-вот приедет, можете себе представить? Да-да, мне удалось его заполучить. Он так красив и, очевидно, весьма горд! Нет, поймите меня правильно, он ничуть не высокомерен, просто знает, чего стоит, и хочет, чтобы другие тоже это знали. Да, он приедет, и это все благодаря моему прекрасно изложенному приглашению и моей блестящей мысли устроить музыкальное суаре. Джентльмена его происхождения и воспитания привлекают только изысканные события, и этот вечер как нельзя лучше подходит его вкусам. Представляете, я привезла сопрано из самого Бата: в последний раз она выступала в великолепном городском доме лорда Лейвера на Ройял-Кресент и безупречно брала верхнее до. Какая жалость, что Гленда замужем и так далеко отсюда, и притом нашла себе всего лишь виконта, просто невыносимо, не могла уж подождать, тем более что нашего дорогого преподобного Шербрука увела у нее из-под носа драгоценная Мэри Роуз, но ничего не попишешь. Разумеется, она не могла дожидаться лорда Ланкастера, поскольку тот почти ей ровесник, ибо если дама, достигнув столь зрелого возраста, еще не замужем, значит, у нее

серьезные проблемы либо с лицом, либо с кошельком ее папаши.

После этой тирады миссис Стрепторп наконец-то смогла набрать в грудь воздуха, что давно бы следовало сделать, но как-то не хватило времени, и решительно расправила фиолетовые атласные юбки и промаршировала к чаше с пуншем, спеша убереечь остатки от своего супруга, толстого джентльмена с тремя подбородками, любителя выпить все, что было в доме, и мирно задремать в кресле.

- Вечно гостей расстраивает, - говаривала миссис Стрепторп.

- Поразительная особа, - покачала головой Мегги, глядя вслед хозяйке, но тут же хихикнула. - Не поверишь, Мэри Роуз, но она ухитрилась одним махом выговорить едва ли не целую книжную главу, причем совершенно не заботясь о знаках препинания. Помнишь, как вы с отцом только поженились и он решил нанести визит Стрепторпам?

Мэри Роуз передернуло.

- И Гленда приказала ему отвести ее в оранжерею, эту омерзительно душную, пахучую комнату, и потребовала объяснить, как случилось, что он женился на тебе, а не на ней?

- Мне хотелось танцевать на ее свадьбе, - усмехнулась Мэри Роуз. - Слава Богу, она никогда больше не станет посылать томные взгляды в сторону твоего отца. Знаешь, ведь у нее уже трое детей.

- В жизни все бывает, - лукаво ухмыльнулась Мегги. - Не забывай, что вы с папой подарили мне Алека и Рори!

Вот и Джереми скоро станет отцом. Только не ее ребенка. Нет, она не будет думать об этом. Ни за что не будет!

- А кажется, знаменитое суаре начинается. Смотри, вон твой несчастный отец, захваченный в плен сквайром Биттли, чьей жене так и не удалось залучить его сиятельство на свой изысканный ужин на прошлой неделе.

– Умный человек! – восхитилась Мегги. – Ну а миссис Биттли, эта старая бой-баба, кажется, наконец опомнилась и не делает никаких откровенных выпадов в отношении тебя!

– Да, и по большей части вполне вежлива в отличие от моей драгоценной свекрови, твоей благословенной бабушки, которая до сих пор без обиняков и во всеуслышание заявляет Тайсону, что тот имел глупость жениться на дикарке с вульгарным цветом волос. А потом многозначительно смотрит в сторону Алека, который, на свою беду, тоже родился рыжим.

Все еще улыбаясь, Мэри Роуз легонько коснулась рукава мужа. Тайсон немедленно обернулся и взял руку жены.

Мегги села рядом с мачехой на стул в проходе. Ей становилось дурно, когда певица набирала в грудь воздуха, чтобы взять верхнее до. Про себя она решила, что, если высокие ноты окончательно доведут ее до полубморочного состояния, придется выскользнуть из комнаты и погулять в саду.

После шестого верхнего до, едва не разорвавшего барабанные перепонки и вызвавшего судороги в ногах, она все-таки не выдержала и улизнула. Прекрасно зная дом Стрепторпов, Мегги направилась прямо в оранжерею, гордость и радость хозяина, единственное помещение, которого так старательно избегали посторонние из-за невероятно удушливой атмосферы и резких цветочных ароматов. Но Мегги сообразила, что к этому времени в саду уже, должно быть, полно людей. И страшно растерялась, когда за спиной раздался мужской голос:

– Насколько я полагаю, это и есть ваше убежище?

Мегги повернулась так быстро, что едва не запуталась в подоле, и едва успела схватиться за стебель розы, чтобы не упасть, но тут же взвизгнула, наткнувшись на шип.

– Как изысканно вы выражаетесь, милорд! О Господи, я уколола палец!

– Сопрано и меня ухитрилась изгнать, – пожаловался он. – Простите, если напугал вас. Дайте-ка осмотреть рану.

Лорд Ланкастер вытащил из кармана белый платок, но не отдал ей. Вместо этого он поднес к глазам ее руку, увидел большую, угрожающе набухшую багровую каплю, и не успела Мегги опомниться, как он сунул ее палец в рот и слизнул кровь.

Мегги не шевельнулась. Не вздохнула.

Как все это странно. И непривычно. Не плохо. Только ничего подобного ей еще не доводилось испытать.

Она, по-прежнему молча, уставилась на него, но он деловито обмотал платком ее палец и прижал рану. И хотя она была очень высока для женщины, все равно приходилось запрокидывать голову. Действительно ли он так красив, как утверждает миссис Стрепторп? Возможно... но все дело в том, что он не Джереми...

– Я читала, что вампиры сосут кровь, – сообщила она, слегка нахмурясь. – Обычно в тех романах, которые я читала, они ровно в полночь вонзают клыки в шею жертвы, и потом начинаются самые драматические события.

Граф рассмеялся теплым, глубоким смехом, показавшимся ей таким же бархатно-черным, как его смоляные волосы.

– Да, я тоже читал о вампирах. Однако поскольку днем вы видели меня в церкви, значит, понятно, что таковым я быть не могу. – И, широко улыбнувшись, добавил: – Смотрите, и клыков тоже нет. Надеюсь, вы успокоились. Извините, если я появился не вовремя, мисс Шербрук.

Чудесные белые зубы, совсем как у Джереми. Да когда же она перестанет о нем думать?!

Мегги расстроено покачала головой.

– Ничего, со мной все в порядке. Я героически держалась, пока последнее до едва не сшибло меня со стула.

– Мне говорили, что столь впечатляющие легкие сейчас в большой моде.

– Где?

Он снова рассмеялся, но тут же смолк, словно удивляясь собственной беспечности.

– А знаете, я не вполне уверен, где именно! Последние пять лет я почти не бывал в Англии. Думаю, что подобные представления прославляются всеми лондонскими дурачками.

– Я провела в Лондоне всего один сезон, милорд. И насколько успела заметить, там не так много истинных почитателей итальянских сопрано. По моим наблюдениям, большинство людей на таких вечерах достаточно вежливы, чтобы хранить стоическое молчание. Но миссис Стрепторп пребывала в полной уверенности, что музыкальное суаре – именно та приманка, на которую вы непременно клюнете и, уж разумеется, не устоите против ее изящного слога. И поэтому она ужасно собой довольна.

– Господи Боже. Впрочем, я действительно хотел посетить суаре.

– Надеюсь, не из-за визгливого сопрано?

– Нет. Музыка тут вообще ни при чем.

Мегги вопрошающе подняла брови.

– Меня зовут Томас Малком.

Брови оставались в том же положении.

Томас невольно рассмеялся. Похоже, он ни в малейшей степени ее не интересуется!

Томас без тени тщеславия констатировал, что это первая женщина, абсолютно равнодушная к нему, с тех пор как он стал мужчиной. Просто возмутительно!

Так, значит, его самолюбие все-таки уязвлено?

Ему хотелось посмеяться над собой.

– Ладно, я приехал, чтобы познакомиться с соседями, людьми, знавшими моего отца.

– Я Мегги Шербрук, – выдавила она наконец, снова вскидывая левую бровь. – И вы говорите неправду, милорд. Рискую оскорбить вас, я все же скажу, что вам совершенно безразличны все, вместе взятые, обитатели Гленклоуз-он-Роуэн.

– Мегги? Прекрасное имя. Но вы ошибаетесь.

– Сокращенное от Маргарет. Правда, слава тебе Господи, никто никогда не называл меня Маргарет. Самое подходящее имя для матери-настоятельницы. Я бы предпочла что-нибудь экзотическое, вроде Мейгрет, но этому не суждено было сбыться. Кстати, не думаю, что ошибаюсь. Если же я ошиблась, значит, оскорбила вас и прошу за это прощения.

– Вы действительно настоящая Мегги и ни в коем случае не Маргарет. Принимаю ваши извинения, ибо они вполне заслужены. Насколько я понял, вы тренируете кошек для бегов?

– Да.

Мегги заметила стакан, стоявший рядом с орхидеей, которую, похоже, чересчур часто поливали. Листья орхидеи неожиданно затрепетали: возможно, сопрано взяла еще несколько высоких нот.

– Мало того, мой брат Алек – кошачий шептун.

– Никогда не слышал о кошачьих шептунах.

– Такое бывает крайне редко, и все считают, что Алек наделен необычайным талантом. Правда, пока неизвестно, сохранится ли этот талант в зрелом возрасте. Но даже когда он делал первые шаги, кошки нашего питомника собирались вокруг него, готовые сидеть часами и слушать, что он говорит. Нужно, правда, заметить, что он не умолкал ни на минуту. Сейчас он помогает моему брату Лео тренировать нашу пятнистую кошку Клеопатру. Без него ее

прыжки вряд ли улучшатся. Алек считает, что ей необходим соответствующий стимул. Как кошачий шептун, он лучше других может определить, чего она хочет, и, если только возможно, дает ей это.

- Хотелось бы видеть его в действии. Сколько ему лет?

- Уже семь.

- Кошачьи бега – поразительная вещь, почти не известная за пределами Англии. Некоторые французские поклонники этого спорта попытались познакомить с ним своих соотечественников, но французы чересчур эмоциональны и несдержанны, поэтому кошки никак не могли взять в толк, чего от них ожидают.

Мегги рассмеялась и многозначительно пожала плечами, словно желая сказать: французы, что с них возьмешь?

Томас снова улыбнулся.

- На беговом треке Макколти, – пояснила она, – все кошки в мгновение ока сбежали бы от владельцев, позови их только Алек. Он должен вести себя крайне осторожно, чтобы ненароком не сманить их.

- Когда же проходят бега? Сейчас наверняка слишком холодно.

- Они снова начнутся в апреле и будут продолжаться до конца октября.

- И вы тренер.

- Да, и уже довольно давно. Можете называть меня боссом.

- То есть именно вы принимаете окончательные решения, указываете, какие методики наиболее эффективны и тому подобное? Главный тренер?

- Мне нравится это определение. Обязательно сообщу братьям свой новый титул. Просто «главный». «Тренер» можно опустить. Потребую, чтобы они называли меня именно так, иначе горько пожалеют!

У Томаса сделался крайне заинтересованный вид, поэтому Мегги добавила:

– Собственно говоря, я провела целое лето в питомнике лорда Маунтвейла, обучаясь у самих братьев Харкер. – Она заговорщически понизила голос: – Это те самые, которые разработали методику летящего пера.

– Я слышал о братьях Харкер. Кажется, это они обладают особой интуицией, когда речь идет о выборе будущего чемпиона. А что это за методика летящего пера?

– Скрученные перья привязываются к концу трехфутовой палки, которой потом начинают размахивать по часовой стрелке на расстоянии не менее шести футов. Очевидно, это производит на кошек нечто вроде гипнотического воздействия. О Господи, зачем я проболталась? Все это следует держать в секрете! Мне посоветовали попробовать метод, когда появится подходящий кандидат! О, прислушайтесь, кажется, стало тихо. Хороший знак! – воскликнула Мегги, показывая на орхидею. – Ее листья больше не трепещут от вибраций ее голоса!

Томас снова расхохотался. Он не помнил, когда еще так веселился в присутствии постороннего человека. До сих пор жизнь его не баловала.

А Мегги посчитала, что Томас смеется не когда хочется, а когда считает нужным, и, значит, он человек хладнокровный и расчетливый. Поэтому пристально наблюдала за Томасом, когда тот заметил:

– Видите ли, это я поставил стакан возле орхидеи, чтобы точно знать, когда можно без опаски вернуться в гостиную. Даже сейчас он не подрагивает. Значит, пора. Но сначала давайте посмотрим, прекратилось ли кровотечение.

Он развернул платок и поднял ее руку.

– Да, все в порядке.

– Спасибо, милорд. Может, я не слишком разбираюсь в тонкостях светской жизни, но все же до этой минуты никто и никогда не высасывал мою кровь. Или лизал палец.

Желудок Томаса судорожно сжался. Похоть. Это была похоть, поразившая его мгновенно. Он присмотрелся к Мегги, увидел, что она не понимает дразнящего обещания, содержавшегося в ее бесхитростных словах, не ведает, что они сулят, по крайней мере на первый взгляд, умение, доставляющее немало удовольствий мужчинам. Нет, она просто слишком откровенна, эта дочь викария, которой только недавно исполнилось девятнадцать.

– Никто? – медленно протянул он. – Значит, я расширил ваш кругозор.

– Мой отец будет беспокоиться, куда я пропала, – резко бросила она, направляясь к выходу. – Но мне было приятно разделить с вами убежище.

Она хочет покинуть его? Вот так просто взять и покинуть? Еще один удар по самолюбию!

– Мисс Шербрук, минуту, пожалуйста! Не хотите покататься со мной завтра утром?

Этим он на секунду привлек внимание девушки. Правда, она не колеблясь учтиво ответила:

– Благодарю за приглашение, милорд, но нет. Я не хочу кататься с вами завтра утром.

Ему словно дали пощечину. Отказать самому графу?! Ей захотелось рассмеяться при виде столь явно оскорбленного мужского тщеславия, но она не рассмеялась. Скорее бы выбраться отсюда!

Только сейчас Мегги сообразила, что ей не следовало оставаться с ним наедине. Очевидно, у него сложилось неверное представление о ней. Она не желает знаков внимания ни от него, ни от любого другого мужчины. И она не была бы сейчас с ним, если бы все сложилось иначе... не важно. Главное, что она ошиблась.

Он отчетливо ощутил ее отчужденность. Ощутил, но не понял причин. Она была так чистосердечна, так естественна. И внезапно превратилась в холодную, неприветливую особу.

Но Томас, несмотря на ее полнейшее безразличие, все же продолжал упорствовать:

– Мой управитель, очень старый человек, пальцы которого трясутся при перемене погоды к худшему, утверждает, что завтрашнее утро выдастся необычайно теплым. Идеальная возможность для прогулки верхом.

– Мистер Хенгис известен своими предсказаниями погоды в здешних местах. Уж не знаю насчет трясущихся пальцев, но надеюсь, утро будет солнечным и вы прекрасно проведете время. А меня увольте, милорд. К тому же мне нужно идти.

Она снова повернулась.

– Значит, вы в восторге от своего первого лондонского сезона? Намереваетесь в апреле вернуться в столицу?

– Нет, – бросила она, не оборачиваясь. Чувствуя, как на нее волнами накатывают его досада и раздражение... и что-то еще. Почему ему так необходимо ее общество? Странно и непонятно. – Прощайте, милорд.

– Меня зовут Томас.

Мегги была готова поклясться, что расслышала произнесенное себе под нос «черти бы тебя побрали».

– Да, – кивнула она. – Я знаю.

И с этим оставила оранжерею Стрепторпов с ее пьянящими запахами и одуряющей жарой.

Томас остался на месте, провожая взглядом быстро удалявшуюся девушку. Чудесные волосы, каштановые, с вкрапленными светлыми прядями различных оттенков, от совсем белого до русого, точно такие же, как у викария. И глаза тоже его, светло-голубые.

Томас вздохнул и последовал за девушкой. По правде говоря, его немного подташнивало от назойливых цветочных ароматов.

В большом холле толпились гости, но Мегги Шербрук среди них не было. Будь она проклята! В конце концов, он не тролль и не вампир. Что это с ней такое?

Он держался крайне вежливо и очаровал всех присутствующих, перед тем как распрощаться.

Может, она не ездит верхом? Да, наверное, и просто стыдится признаться в этом. Нужно придумать что-то еще. Ей уже девятнадцать. В ее возрасте давно уже следует подумать о замужестве. Собственно говоря, она почти старая дева. А ведь он молод, богат, здоров и даже имеет титул. Чего еще может желать девушка?

Господи Боже, ко всему прочему она еще и дочь викария.

И к тому же дрессирует кошек.

Глава 6

Мегги играла с Рори, одновременно рассказывая истории о котах-чемпионах прошлых лет. Наиболее знаменитым считался Джилли из Маунтвейлского питомника, умерший два года назад в весьма преклонном возрасте.

– Когда бежал Джилли, у остальных почти не было шансов, – объяснила она, вручая Рори маленькую фигурку кота, вырезанную из вишневого дерева и раскрашенную в черный, серый и белый цвета: масть Джилли. – Видишь, как высоко он держит хвост? Скаковые кошки всегда высоко держат хвосты. Мне сказали, это означает, что они очень горды. Знают, чего стоят, и очень довольны миром и своим в нем местом.

– Мегги!

– Да, дорогой?

– Мне что-то не по себе.

Мегги задохнулась от страха. Только через несколько секунд она догадалась приложить ладонь ко лбу малыша. От него полыхнуло жаром. Лихорадка. Он где-то подхватил лихорадку. А ведь они были так осторожны: не выпускали детей из дома, как могли, старались развлекать, и все же Рори умудрился заболеть.

Она подхватила его на руки: нелегкая задача, потому что для своего возраста Рори был довольно велик.

- Пойдем лучше к маме.

Рори, очень независимый малыш, на этот раз даже не пытался вырваться. Нет, он тяжело обвис в ее руках, прислонившись щекой к плечу. И это еще больше напугало Мегги. Неустанно повторяя молитвы, умоляя Бога о милости, она спустилась вниз, в гостиную, где отец и Мэри Роуз беседовали с мистером Сэмюелом Притчертом, младшим приходским священником.

- Мэри Роуз, - тихо окликнула она мачеху. Та подняла глаза, и улыбка на ее губах мгновенно застыла, потому что она поняла, сразу поняла: что-то неладно. Что-то очень неладно с Рори. Рори болен! Лихорадка!

- О нет, только не Рори! О нет, Тайсон!

Тайсон мигом очутился рядом с Мегги и взял у нее малыша.

- Что с тобой, мой мальчик? Немного скис?

Он дотронулся до щек и лба сына и едва не вскрикнул от ужаса.

- Ладно, - спокойно продолжал он. - Сейчас я отдам тебя маме, схожу кое-куда и вернусь. А ты отдыхай.

- Да, папа, Мне плохо.

- Знаю. Потерпи немного. Скоро выздоровеешь и снова начнешь дергать Мегги за волосы.

Он покрепче обнял сына и прижал его ладошку к своей щеке, а потом слегка дотронулся до лица Мэри Роуз. Куда прохладнее, чем у Рори.

– Все будет хорошо. Я иду за доктором Дрейфусом. Вернусь, как только смогу.

Тайсон еще никогда не собирался так быстро. Он почти вылетел из дома и был настолько поглощен собой, что не заметил трусившей за ним Мегги. О, если бы он только мог выругаться громко и грязно, чтобы хоть немного унять страх.

– Он поправится, папа, вот увидишь, – пропыхтела Мегги на бегу. Прохожие расступались, давая им дорогу. Они добрались до коттеджа доктора Дрейфуса меньше чем за семь минут, вне себя, растрепанные, тяжело дыша. Но миссис Миддерд сказала, что доктор ушел к Клэям осмотреть их мальчика. Нет-нет, не лихорадка, ни одного случая на этой неделе, слава Господу нашему и спасибо, викарий, за ваши молитвы. Нет, мальчик Клэев сломал ногу. Очень-очень тяжелый перелом.

– Его давно нет, миссис Миддерд?

– Часа три уже. А что случилось, викарий?

– Рори заболел. У него лихорадка.

Миссис Миддерд, бывшая католичка, обращенная в англиканскую церковь лет тридцать назад, после венчания с мистером Миддердом, перекрестилась.

– Я пошлю его к вам немедленно, как только вернется.

Еще семь минут спустя Тайсон и Мегги стояли у изножья кровати Рори, наблюдая, как Мэри Роуз обтирает маленькое личико. Ребенок, цепляясь за мать, шептал, что у него все кости болят. Температура по-прежнему держалась.

Прошел еще почти час, прежде чем в спальне появился доктор Дрейфус, – самый долгий час в жизни Тайсона. Мегги встала сбоку от Рори и, держа маленькую ручку, что-то тихо говорила. Тайсон отослал Алека вместе с Лео в Нортклифф-Холл. Почему он сразу не сделал этого? Не отправил к брату обоих мальчиков? Нельзя. Потому что, как викарий, не имел права увезти детей в безопасное

место, когда остальные не могли позволить себе подобную роскошь. И теперь из-за своих идиотских принципов потеряет сына? Глупец!

Большая рука доктора Дрейфуса легла на лоб Рори. Усевшись рядом, он прижал ухо к груди мальчика. Потом поднял голову, увидел искаженное ужасом лицо викария и медленно кивнул.

– Я дам ему настойки опия. Это избавит его от боли. Но жар будет нарастать, и нужно попытаться его сбить.

Поднявшись, он сжал пальцы Мэри Роуз и Тайсона.

– Слушайте меня внимательно. Мы сумеем его вытащить. Девочка Диксонов выжила, и Рори тоже выдержит. Сначала дадим ему опий, а потом начнем обтирать прохладной водой.

До рассвета оставалось совсем немного. Мегги, час назад сменившая отца, сидела на кровати Рори. Мэри Роуз заснула на маленьком топчане, который Тайсон принес в комнату. Даже во сне она выглядела напряженной и испуганной. Кулаки судорожно сжимались и разжимались.

В недолгой жизни Рори случилось немало болезней, но ни одна не была так тяжела. Мегги снова пощупала щеки брата. Кажется, не такие горячие, как раньше.

Но тут он задрожал, дернулся и сбросил с себя одеяла.

– Нет-нет, зайчик, не нужно, – шепнула она, услышав, как стучат его зубы. – Тебе холодно, малыш? Не волнуйся, я здесь и позабочусь о тебе.

Она сбросила теплый бархатный халат, завернула в него Рори, легла и притянула брата к себе, что-то шепча и глядя его по спине. Неожиданно он словно окаменел, застонал и остался недвижим.

О Боже...

Мегги едва не завопила, но тут он снова дернулся, выгнулся и опять задышал, слабо и неровно. Мегги расплакалась, прижимая его к сердцу. Как страшно, Господи, как страшно!

Растирая его спину, она снова и снова повторяла:

– Нет, Рори, держись, я знаю, ты можешь. Дыши, маленький, дыши!

Он хрипло закашлялся, борясь за каждый вздох. Боже, только не это. Только не это...

– Мегги, что случилось?

Мегги сама не знала, как ей удалось ответить тихо и спокойно:

– Мэри Роуз, беги за отцом. Дело плохо, очень плохо. Скорее пошли кого-нибудь за доктором Дрейфусом.

Мэри Роуз прикусила палец, чтобы не вскрикнуть, и бросилась к двери. Вошедший Тайсон осторожно взял Рори на руки.

– Он вдруг прекращает дышать, папа. Потом, когда уже кажется, что все кончено, ему снова удается втянуть немного воздуха. Но так долго продолжаться не может.

Тайсон, не глядя на нее, обнял свою драгоценную ношу, словно заставляя дышать насильно. Потом поднялся и отнес Рори к креслу-качалке, которое сам сделал для Мэри Роуз, когда родился Алек. Женщины сели на постель, наблюдая, как отец нянчит свое дитя. Тайсон принялся растирать грудь сына, то надавливая, то отпуская, пытаясь помочь ему дышать.

Он снова и снова массировал грудку мальчика, говорил с ним, ободрял и молился. Он, викарий, пытался прийти к соглашению с Богом. И с радостью отдал бы душу дьяволу, пожелай тот заключить сделку.

– Он не может умереть, Мегги, просто не может, – повторяла Мэри Роуз, стискивая руку падчерицы. Мегги кивнула. Язык не слушался ее, так что

ответить она не могла. И плакать не хотела: все равно это ничего не даст.

Они сидели рядом, пока не взошло солнце. Пока первые розоватые лучи не проскользнули под кремовые шторы, окутав комнату тусклым свечением.

Прибывший Сэмюел Притчерт сообщил, что коляска доктора Дрейфуса перевернулась и доктор лежит в постели с больной спиной, не в силах шевельнуться. Он передал, впрочем, что все равно ничем не мог бы помочь. Сэмюел заверил, что молится за них.

Через несколько минут внизу слышались шаги миссис Приддл, а затем раздался громкий стук.

Еще через несколько минут запыхавшаяся миссис Приддл просунула голову в дверь.

– Простите, мисс Мегги, но пришел лорд Ланкастер. Говорит, у него важное дело.

Томас Малком? Что нужно этому человеку в такой час? Она не желает услышать очередное приглашение на прогулку!

Мегги кивнула отцу и Мэри Роуз и потихоньку вышла. Остановилась у своей спальни, накинула другой халат, такой старый, что локти светились, и поспешила вниз. Свеча ей не понадобилась: солнце уже окончательно взошло.

Он стоял в передней в костюме для верховой езды и сапогах. В этот момент в сердце Мегги не осталось ни унции христианской доброты.

– Что вам угодно?

Он рассеянно поклонился и поспешно подошел к подножию лестницы, у которой стояла Мегги. Она вдруг заметила, что Томас сжимает небольшой сверток.

– Я говорил с доктором Дрейфусом, – выпалил он, сунув ей сверток. – Он велел прийти и передать это для Рори. Сказал, что ему не повредит. Лекарство, одно из многих, которые присылает из Генуи мой партнер в судоходной компании.

Хорошо помогает от лихорадки. Рори не лучше?

– Нет, – коротко ответила Мегги и добавила то, что в глубине души уже знала: – И я не думаю, что станет лучше. Что это?

– Целебный корень. Называется маринго. Растет около реки, на лавовом плато, на западных склонах вулкана Этна в Сицилии. Будем надеяться, что это поможет Рори. В письме от моего друга сказано, что именно этот корень прекрасно излечивает лихорадки подобного рода. Быстрее, Мегги, нужно спешить. Немедленно дайте это мальчику. Всего один глоток, больше не нужно. Потом еще по глотку каждый час, пока не минует опасность.

Тайсон и Мэри Роуз посчитали, что лекарство прислал доктор. Мегги не стала их разубеждать. Ей удалось открыть ротик брата и влить туда немного коричневой жидкости. Для пущей верности она потерла пальцами его горло. Он захрипел и раскашлялся. Маленькое тельце извивалось в мучительных конвульсиях. Но все же он дышал, неглубоко, едва слышно.

Все молча наблюдали, как малыш борется со смертью. Казалось, ему становится легче, но тут снова, совершенно неожиданно начались судороги. Тайсон крепко держал мальчика, пока Мегги делала все, чтобы он не прикусил язык. Мать растирала ручки и ножки мальчика. Судороги так же внезапно прекратились, и Рори словно оцепенел. Мэри Роуз упала на колени.

– Господи, да что же это?! Тайсон, нет! Он не может умереть, не может?

– Нет, подожди, подожди немного.

Мегги молилась так исступленно, как ни разу до того. Хуже всего, что она совсем не слышит его дыхания. Не видит ни малейшего шевеления. Он умирает...

О, пожалуйста, Боже, не надо, только не этот чудесный ребенок!

Отец продолжал ритмично сжимать и массировать грудь Рори, повторяя снова и снова:

– Дыши, Рори, дыши.

Случайно подняв глаза, Мегги увидела лорда Ланкастера, молча стоявшего в дверях и наблюдавшего разворачивавшуюся перед ним драму. Лицо его заметно побледнело, глаза под полуприкрытыми веками были печальны.

– Слава Богу! – пробормотал Тайсон с облегчением и слезами в голосе. – Дышит! – Он притянул к себе Мэри Роуз и поднес ребенка поближе к матери. – Слава Господу милосердному, наш мальчик снова дышит.

Он посадил жену себе на колени и осторожно положил ей на колени сына. Мэри Роуз дрожащими руками гладила ребенка по спинке непрерывными круговыми движениями, пока Тайсон продолжал массировать его грудь. Наконец Мэри Роуз откинула голову на плечо мужа. Тот поцеловал ее волосы и крепче сжал жену и сына. Мегги подумала, что в жизни не забудет этой минуты. Рори дышал, не затрудненно и хрипло, а полной грудью, и каждый вдох и выдох звучали совершенно нормально. Щеки покраснелись, но не от жара. Мегги взяла с постели одеяло и накинула на всех троих.

– Еще одно, Мегги. Он не дрожит, но я хочу, чтобы мы все пропотели.

– Он совсем спокойный. Ни озноба, ни конвульсий, – с надеждой прошептала Мэри Роуз. – О, Тайсон, как по-твоему, он...

– Не знаю, любимая, но держи его. Не прекращай растирать его, ему не повредит. Это лекарство, Мегги... увидишь доктора Дрейфуса, передай, что оно помогло и что я так и знал: он обязательно придумает, как вылечить нашего малыша.

– Это не от доктора, папа. Его привез лорд Ланкастер.

Озадаченный, Тайсон долго не знал что ответить.

– Поблагодари его, – вымолвил он наконец, – и скажи, что оно подействовало почти мгновенно. Вся наша семья у него в долгу.

– Обязательно, – кивнула Мегги, не упоминая о том, что Томас Малком стоит сейчас в дверях и смотрит на них. Она накрыла отца и мачеху всеми одеялами, которые только нашлись в комнате, и осторожно приложила ладонь к щеке Рори. Гораздо прохладнее, она могла в этом поклясться.

– Папа, мне кажется, что он просто спит. И дыхание такое ровное.

Отец улыбнулся ей. Она улыбнулась в ответ и, наклонившись, быстро поцеловала его в щеку.

– Сейчас принесу тебе чаю. О, и Мэри Роуз тоже уснула. Вот и хорошо.

Мачеха в эту минуту казалась усталой Мадонной, державшей больное дитя. Ярко-рыжие локоны рассыпались по плечам, щекоча подбородок мужа и обрамляя бледное личико.

– Я молился, пока у меня хватало слов, пока мольбы не иссякли. Наверное, Господь услышал меня и послал сюда лорда Ланкастера.

– Возможно, – согласилась Мегги. – Мне кажется, что у лорда Ланкастера действительно появилась настоятельная потребность приехать. Неужели это Господь поторопил его? Какая утешительная мысль.

– А теперь отнеси лекарство доктору Дрейфусу. И скажи, что оно, похоже, подействовало на Рори. Если кто-то еще заболевает, мы сумеем...

– Обязательно, папа. Я спрошу лорда Ланкастера, есть ли у него еще. Минут через двадцать нам нужно дать Рори еще глоток. Если все будет так, как сейчас, значит, больше лекарства не требуется.

Мегги улыбнулась, выпрямилась, повернулась и подошла к Томасу Малкому. Полы старого халата развевались вокруг голых щиколоток, длинная коса змеилась по спине, и выбившиеся из нее прядки распушились на лбу и щеках.

Она сделала знак глазами, и он тихо отступил и вышел на площадку. Теперь его лицо было в тени, потому что солнце скрылось за облаками. Мегги остановилась перед ним, взяла его левую руку и крепко сжала.

– Не знаю, как и благодарить вас, милорд. Неужели это Господь вселил в вас тревогу и настоятельную потребность прийти к нам?

– Все возможно, – медленно ответил Томас, глядя на свою большую загорелую ладонь, сжатую между двумя маленькими, но не изнеженными ручками Мегги Шербрук. Эти руки помогали растить младших братьев, дрессировать кошек и выполнять десятки дел, порученных дочери викария. И он вдруг задался вопросом: почему и в самом деле приехал так быстро? Непонятно. Он знал только, что это необходимо. Неужели это Господь поторопил его?

– Сумка с лекарствами была привезена за несколько минут до рассвета вместе с другими товарами, – деловито объяснил он. – Тот парень, который ее доставил, утверждал, будто не мог отделаться от ощущения, что мне все это скоро понадобится, и поэтому гнал коня от Истборна до моего дома. Я услышал, что малыш Рори заболел, и немедленно отправился к вам. Думаю, Господь поторопил посланца.

– А это лекарство еще осталось?

– О да. Мой слуга отвезет его доктору Дрейфусу. Пусть бережет для детей на случай лихорадки.

– О небо, да я же не одета! Миссис Приддл, пожалуйста, проводите его сиятельство в гостиную и накормите завтраком. Я скоро спущусь.

Двадцать минут спустя Мегги вошла в гостиную. Лорд Ланкастер, стоя у зажженного камина, пил чай.

– Моя семья в огромном долгу перед вами, милорд, – не колеблясь, сказала она, протягивая ему руки. Томас поднял брови. Ему хотелось заверить, что он не признает долгов подобного рода, что на его месте любой порядочный человек сразу же принес бы лекарство в дом викария. Но он хотел, чтобы она оставалась у него в долгу, если это поможет осуществить его планы. Только одна она.

Он снова позволил ей взять себя за руки.

– Вы устали, Мегги. Я прошу вас как следует отдохнуть сегодня. Но если завтра не будет дождя, вы поедете со мной на прогулку?

– Да, милорд. Я поеду с вами.

Глава 7

Но следующие два дня она не смогла носа из дома высунуть. Лило так, что, казалось, деревню вот-вот затопит. Все говорили, что это небеса плачут. Они плакали и плакали, горько, непрерывно. Наутро третьего дня похолодало, и тучи по-прежнему закрывали небо. Однако мистер Хенгис утверждал, что дождя больше не будет, так что никто особенно не беспокоился. Солнце обязательно прорвется сквозь серую пелену, и все будет хорошо.

Мегги день казался прекрасным. Она любила скакать верхом, чувствовать, как бьет в лицо сильный ветер с Ла-Манша, швыряя шляпки и шляпы под копыта коней, и, кроме того, рядом ехал человек, спасший жизнь ее маленького брата. Несмотря на мерзкую погоду, он каждый день наведывался в дом викария, чтобы справиться о здоровье Рори.

Мегги оседлала Севайво[4 - Выжившая, способная выжить (англ.)], прелестную гнедую кобылку, которую раньше, как она объяснила Томасу, звали Петуньей.

– Но почему кличку изменили? – удивился он.

Мегги весело расхохоталась.

– Видите ли, Петунья была первой лошадкой для меня и троих моих братьев. То есть она ухитрилась выжить, несмотря на все испытания. Когда Рори подрастет, он тоже будет учиться ездить верхом на бывшей Петунье. Она по-прежнему здорова и резва, поэтому мы посчитали, что Севайво подходит ей куда лучше.

– Благородная лошадь, – заметил он, выгибая черную бровь, – и крайне выносливая. Значит, еще и Рори? Думаю, к этому времени ей придет пора отправиться на покой, бедняге. Не находите, что пятый ребенок на одну лошадь

– это уже слишком и нельзя так много требовать от Божьей твари?

– Севайво любит детишек, знает все их проделки и очень добродушна, так что не тратьте время на ненужную жалость, – возразила Мегги и, снова рассмеявшись, погладила лоснящуюся холку. Кобылка повернула голову и тихо заржала. Мегги сунула руку в карман и извлекла морковку. Лошадь подхватила ее губами и стала жевать на ходу. – Ей почти двенадцать лет. Насколько я помню, мой кузен Джереми больше всего на свете хотел получить от нее потомство, но теперь она уже слишком стара.

Томас вдруг услышал в ее голосе новые интонации: то ли грусти, то ли сожаления... сразу не понять. Но почему-то стало неприятно.

– Джереми? – осторожно осведомился он. – С какой стороны он приходится вам кузеном?

Мегги пожала плечами, безразлично глянула на раскидистый клен и ответила так уныло и жалостно, что Томас разозлился еще больше.

– О, Джереми не принадлежит к племени моих настоящих чертовых кузенов. Он мой чертов почти кузен. Между нами нет кровного родства. Он шурин моего дяди, Райдера Шербрука.

Ей, очевидно, было не по себе, поэтому он решил пока что оставить эту тему.

– Я слышал много историй о вашем дяде. Правда ли, что у него больше побочных детей, чем у любого арабского шейха?

Мегги размахнулась и ударила его по плечу.

– Это вам за то, что слушаете сплетни, милорд! Хотя, знаете ли, о нем рассказывают много всяческих мерзостей, впрочем, как и о моем втором дяде. Однако куча побочных детей – все это наглое вранье. Мой дядя Райдер – один из самых высокоморальных людей в мире.

– Простите, – извинился Томас, – он ваш дядя, и я не должен был говорить о нем в таком тоне. Так говорите, что он не держит дома своих бастардов?

Мегги, поняв свою ошибку, потрепала кобылу по шее, скормила еще одну морковку и вздохнула:

– Давненько я не слышала ничего подобного. Вы действительно ничего не знаете о Райдере, милорд?

– Меня зовут Томас, и я думал, что знаю все.

– Оказывается, нет. Мой дядя, с самых юных лет спасает беспризорных детей, которых отыскивает в грязных закоулках, трущобах, отбирает у жестоких хозяев, у пропитанных джином родителей, которые их бьют и морят голодом, а иногда и продают хозяевам борделей. Все они зовутся любимчиками. Во время моего последнего визита к дяде, в Брендон-Хаус, что в Котсуолдсе, жили не менее пятнадцати ребятишек. Этот дом отведен специально для них и находится совсем близко от Чедуик-Хауса, где обитают мой дядя, его жена, тетя Софи, и Грейсон, один из моих чертовых кузенов, хотя сейчас он учится в Оксфорде. Сплетни о бастардах распустил один из политических противников моего дяди. Люди есть люди, поэтому и верят всякой чепухе, пока не понимают, какая все это чушь. Ну сами посудите, кто это поселит своих побочных детей в огромном роскошном доме, неподалеку от собственного поместья, где обосновалась твоя семья? Для этого требуется безмерная наглость, не находите?

– Несомненно. Значит, любимчики?

– Да, так их прозвала моя тетя Синджен много лет назад, когда обнаружила секрет брата. По-моему, в то время ей было лет пятнадцать.

– Но в таком случае почему об этом почти никто не знает?

– Потому что мой дядя – человек необычайной скромности и не любит распространяться о своих подвигах. Он считает это своим личным делом и очень раздражается, когда кто-то начинает восхвалять его за благородство и самоотверженность. Объясняет, что берет детей на воспитание, потому что ему так нравится, и советует никому не совать свой чертов нос в чужое просо. Это цитата.

– А кто был этим политическим противником и твердил, что ваш дядя изменяет жене на каждом шагу, да еще и поселил своих незаконных отпрысков едва ли не в ее доме?

– Мистер Редферн. Он всеми силами старался не допустить прихода Райдера в палату общин. Жалкий, ничтожный человечиска! Не представляете, какой скандал разразился! Поднялась страшная шумиха. Но все это давно забыто.

Мегги помолчала, ощутила, как на нос упала дождевая капля, и хихикнула.

– О Господи, кажется, мистер Хенгис впал в немилость у небесных богов. Его пальцы, должно быть, тряслись неправильно. Пошел дождь. Снова. Если это будет продолжаться, мы все заплесневеем.

– Да, – согласился Томас, поднимая лицо к серым тучам. Он с самого детства любил дождь и сейчас с радостью вдыхал влажный воздух, хотя земля, казалось, промокла до самого центра. Правда, он тут же спохватился и ошеломленно добавил: – Не может быть! Мне сказали, что мистер Хенгис никогда не ошибается! Должно быть, это случайная капля, только и всего.

– Еще одна случайная капля только сейчас ударила по моему подбородку.

– Скорее опустите голову.

– Так и быть, – хмыкнула Мегги, – но учтите, я вовсе не желаю окончательно испортить свою прелестную шляпку! О чем это мы... ах да, дядя Райдер и его многочисленные побочные дети. Собственно говоря, одна такая у него есть – Дженни. Мать умерла, рожая ее. Но они с отцом очень любят друг друга. Дженни – жена Оливера. Они обвенчались на прошлое Рождество. Оливер управляет Килдрамми-Касл, шотландским поместьем моего отца. Если я ничего не путаю, Оливер – один из первых ребяташек, подобранных моим дядей. Если вы останетесь в Гленклоуз-он-Роуэн, обязательно познакомитесь с ним. Оливер обычно приезжает погостить осенью. Надеюсь, в этот раз он приедет вместе с Дженни, милорд.

– Томас. Это мое имя.

– Да, знаю, но дело в том, что я незамужняя молодая леди, и вам хорошо известно, что называть вас по имени, а тем более ездить на прогулки по окрестностям – более чем неприлично.

Она запрокинула голову, чтобы набрать в рот дождевой воды.

– Придется сказать мистеру Хенгису, что впредь он должен быть точнее в своих прогнозах и что отныне картофельные палочки для него под запретом. Поедем к амбару Мартинов, тому, что как раз за этим холмиком. Там не слишком уютно, и крыша протекает, но если встать на нужном месте, можно уберечься от дождя.

И, не дожидаясь ответа, она послала кобылку вперед.

– Получишь еще одну морковку, – пообещала она, – если доставишь меня на место, прежде чем бесконечные случайные капли окончательно намочат мое перо.

Кажется, до нее донесся смех Томаса Малкома... Но она не обернулась, только с улыбкой припала к шее лошади. Смеялся он, кстати, весело и заразительно.

Добравшись до амбара, Томас понял, что, кем бы ни были эти Мартины, они скорее всего покинули эту землю много-много лет назад, еще до его рождения. Маленькое, давно заброшенное строение почти разрушилось, а часть крыши обвалилась. Надо надеяться, что оставшейся части хватит на всех четверых. Дождь все усиливался. Придется сказать несколько добрых слов отныне не безупречному мистеру Хенгису.

Мегги спешила, перекинула поводья через голову Севайво и завела кобылу в амбар. Томас с опаской оглядел руины, боясь, как бы не случилось беды.

– Я попытаюсь спасти тебя, Пен, в случае чего, – пообещал он своему вороному. Пен заржал. Умное создание! Не хочет идти в этот амбар! И не Томасу его осуждать.

Добрых три минуты ушло на то, чтобы убедить коня, что чертова крыша не рухнет им на головы. За это время Томас успел промокнуть с головы до ног.

Кое-как втащив коня в амбар, он увидел Мегги и ее кобылу в единственном сухом углу. Ладно, хотя бы они в относительной безопасности!

Томас сбросил куртку, отряхнулся, как большая дворняга, и запустил пальцы во влажные волосы. В углу оказалось немного тесновато для четверых, зато можно было переждать дождь.

– При чем тут картофельные палочки?

– Видите ли, это один из шедевров миссис Бартоломью. Вашей кухарки.

– Ах да. Я зову ее Морганой.

– Морганой? Как сестру короля Артура? Но почему? Ведь, насколько я помню, ее имя Агнес.

– Она настоящая ведьма, которая, по моему глубочайшему убеждению, пытается меня отравить. Так вот, насчет картофельных палочек, тех, которые обожает мистер Хенгис. Если его лишить лакомства, это, надеюсь, будет достойным наказанием за неверный прогноз?

– Еще каким! Он просто слюной исходит, когда чует запах пекущихся палочек. Но почему она жаждет вас отравить?

– Не столько меня, сколько моего отца, но поскольку тот мертв, я единственный, до кого она может добраться.

Мегги принялась растирать руки, выслушав объяснение, расхохоталась так неудержимо, что схватилась за живот.

– Вы правы. Миссис Бартоломью терпеть не могла вашего родителя. Но откуда вы это узнали?

– Подслушал, как она разговаривает сама с собой. Хотел выпить еще чашку чаю, но нигде не смог найти Торрента, что случается довольно часто. Нижняя горничная Тэнси тоже куда-то исчезла. Подозреваю, что она без ума от Тобина, сына мясника. Когда я добрался до кухни, Моргана гремела горшками и

бормотала что-то насчет извилистых путей сатаны и ужасающем нашествии демонов. Словно проповедь читала!

- Похоже, что-то ее расстроило. Больше она ничего не сказала? А может, она вовсе не имела в виду вашего отца?

- Несколько раз она повторила «Старый лорд Л». - именно так она называла отца - и прибавляла такие эпитеты, как жалкий прохвост, хам, пройдоха, мошенник, скаредный плешивец, которого только и стоит, что растянуть на дыбе и четвертовать. И еще что-то об ужасной судьбе грешников.

- Хм-м... с чего это она так разошлась? Ваш отец действительно неохотно расставался с деньгами, по крайней мере у него была репутация человека прижимистого, но он всегда расплачивался за покупки в течение полугода. Что же касается вашего дворцового Торрента, он просто стареет, милорд, и засыпает при каждом удобном случае раз по шесть на дню под лестницей, в маленькой нише, где стоит специальное кресло с тремя подушками. А Тэнси при каждом удобном случае убегает стегать одеяла, прелестные лоскутные одеяла, для чего собирает каждый обрывок ткани. Она очень талантлива. Вам бы следовало помочь ей открыть свою лавочку. Она прячется в маленькой детской на верхнем этаже, когда может улучшить минутку для шитья. Насколько мне известно, у Тобина нет ни единого шанса устоять против нее.

Томас ошеломленно уставился на нее.

- И вы знаете все обо всех в этом городке?

- Естественно. Я родилась и выросла здесь. Правда, последние десять лет мы проводим лето в Килдрамми-Касл. Всем нам полюбилась Шотландия. А там настоящее раздолье - пустынная дикая местность, но стоит пройти несколько шагов - и перед тобой поле белого вереска, потом - фиолетового, ах, столько цветов и красок, что просто плакать хочется от этой красоты. Вы никогда не бывали в Шотландии, милорд?

- Зовите меня Томасом. Да, я много раз бывал в Шотландии. Ездил в Глазго по делам, и в Инвернесс - навестить друзей и поохотиться.

Мегги нагнулась, подобрала охапку древней соломы, мирно гнившей здесь лет двадцать, и принялась растирать спину лошади. Томас последовал ее примеру.

Севайво неожиданно резко повернула голову и попыталась укусить Мегги за плечо. Та едва успела отскочить, но запуталась в юбках и приземлилась на пятую точку.

– О, понимаю, – расхохоталась она, – солома чересчур жестка и раздражает ей кожу. Берегитесь, Томас, Пену тоже может не понравиться такая забота.

Пен громко заржал, но не пошевелился. Мегги принялась отряхивать с юбки грязь и травинки.

– Заметьте, она всегда пытается укусить взрослых и никогда – детей.

Томас наклонился, сжал ее руку и потянул, слишком резко, и оба это поняли. Она ударилась о него грудью. Никогда прежде она не ударялась грудью о мужскую грудь и теперь даже растерялась немного от необычных ощущений.

Томас подумал, что слишком торопится. Но ничего не мог с собой поделать. И потому, окончательно потеряв голову, поцеловал ее. Не по-настоящему. Всего лишь легкое прикосновение губ.

Она не отстранилась. И не двинулась с места. Он даже не сразу понял, что это ее первый поцелуй.

Хорошо. И никакого Джереми. Должно быть, он ошибся, и какое же это облегчение!

Ее первый поцелуй, который подарил именно он!

Томас медленно поднял голову. Мегги смотрела на него не мигая. Потом коснулась губ кончиками пальцев. И наконец, нахмурившись, отступила.

– Как странно, – прошептала она, продолжая расправлять влажные юбки. – Конечно, вам не следовало бы так поступать, но это не важно. Я почти не промокла, хотя дождь все еще льет.

Он снова запустил пальцы в темную гриву густых волос, слишком длинных, по мнению модников.

– Мегги, вы правы. Мне не следовало так поступать, но это всего лишь поцелуй. Ничего непристойного и, уж конечно, никакой серьезной попытки обольщения. Простите, что воспользовался ситуацией. – Голос его смягчился и стал чуть ниже, но в нем явно прозвучали нотки типично мужской гордости. – Это был ваш первый поцелуй. Именно я был первым мужчиной, который поцеловал вас.

– Ха, – фыркнула Мегги. – Ошибаетесь, милорд. Меня сто раз целовали.

– Томас, – терпеливо повторил он. – Меня зовут Томас.

– Знаю. Знаю. Позвольте сказать, что я целовала столько парней, что с трудом вспоминаю всех.

– Это во время вашего сезона?

– Нет, и по чести сказать... вероятно, я не должна врать, потому что мой отец викарий и вопрос искренности весьма для него важен, все эти парни были моими чертовыми кузенами. Видите ли, когда мне было тринадцать, я просила их поцеловать меня. Причем старшим я ничего не говорила и приставала только к своим ровесникам.

– А Джереми был старше?

– Да, и намного.

Только не Джереми. Джереми никогда не вздумалось бы целовать ее. Она хотела этого, так хотела... больше всего на свете и наверняка растаяла бы у его ног, решился он поцеловать ее. Страшно подумать, как возмутился бы отец. Да и Джереми тоже, узнай он о ее мыслях.

– Старшие кузены считали это весьма занятной шуткой, но я их игнорировала.

А Джереми смеялся во все горло. Но почему Томас спросил именно о нем?

– А что же вы сделали?

– Выстроила в ряд всех чертовых кузенов, выкликала каждого по имени. Они выступали вперед, вытягивали губы трубочкой и по очереди целовали меня.

Глава 8

У него хватило сил только на то, чтобы молча уставиться на нее. Совершенная невинность! И в то же время в ней явно сидел бесенок, подстрекавший на самые невероятные проделки! Она выстроила в ряд кузенов!

– Вам захотелось поэкспериментировать?

– Ну да. Видите ли, Макс и Лео, мои братья, наотрез отказались целовать меня и объявили, что сами будут судить, какой кузен целуется лучше. Но, вспоминая все это, я думаю, что сама должна была стать судьей, а вовсе не двое мальчишек, совершенно неопытных и ничего не знавших о жизни.

– Что же, вполне разумно. И по каким критериям они выбирали победителя?

Мегги вернулась мыслями к тому замечательному дню и длинной очереди чертовых кузенов, перепуганных, растерянных, но готовых к подвигу.

– Кажется, победителем вышел Грейсон, сын дяди Райдера. Но критерии... они заявили, что награждают Грейсона чисто формально, но, если хорошенько поразмыслить, они выбрали бы его, несмотря ни на что. Знаете, Грейсон великолепный рассказчик и сочиняет множество чудесных историй о призраках, приключениях, таких, от которых волосы дыбом встают. Их хорошо рассказывать в темную ночь. Как раз перед этим он поведал им действительно душераздирающую повесть о старике, которого жена столкнула в колодец и оставила тонуть. Но его дух пришел за ней и натворил целую кучу самых мрачных деяний и все такое. Макс и Лео были до того напуганы и счастливы, так хотели услышать еще что-то в этом роде, что даже колебаться не стали. Поверите ли, объявили Грейсона победителем еще до того, как бедный Джеймс чмокнул меня в щеку.

– Поразительная история, – медленно выговорил Томас, пытаюсь припомнить хотя бы один вечер в своей юности, который мог бы сравниться с этим. Бесплезно. В его юности не было веселых дней и вечеров также. Если не считать того, когда ему пошел десятый год и Натан учил его нырять со скалы в океан. Натан, который уехал, вступил в армию и погиб в Испании много-много лет назад.

Томас потрянул головой, чтобы избавиться от грустных мыслей.

– Кто такой Джеймс?

– Старший сын моего дяди Дугласа. Он и Джейсон – близнецы, и разница между ними минут тридцать, не более. Но Джеймс в один прекрасный день станет графом Нортклиффом. Знаете, эти двое самые красивые молодые люди на всем белом свете!

– Нет, до сих пор не знал. А тогда? Они не были красивы? И вы в тринадцать лет не увлеклись одним из них?

– О нет. Оба они невыносимы. Я до сих пор пытаюсь их перевоспитать. Но теперь пусть этим занимаются их жены, если они когда-нибудь женятся. Мой дядя Дуглас ужасно тревожится за них из-за этой проклятой красоты. Правда, они совсем не избалованы, и все их дурные привычки – из тех, что присущи любому мужчине, так что исправить их невозможно. Но в глубине души они ничуть не испорченны.

– Ничуть?

– Не более, чем их ровесники. Ну, как все: ругаются, хвастаются, воруют у отца бренди, устраивают скачки в полночь и едва не ломают себе шею, держат пари, кто плюнет дальше, в общем, ничего особенного. Зато не играют в азартные игры, не соблазняют местных девушек, мало того, их ни разу не исключали из Оксфорда!

Томас искренне усомнился в заверениях насчет девушек. Они молодые парни, а все молодые парни спят и видят кого-то соблазнить, и дело вовсе не в испорченности. Впрочем, вполне возможно, что они переросли подобные забавы.

– Можно мне поцеловать вас снова?

– Это еще зачем?

– Хочу проверить, будет ли сравнение с вашими кузенами в мою пользу.

– Но это случилось очень давно, и мы были детьми, и...

Он поцеловал ее. И на этот раз не простым прикосновением губ. На этот раз было чуть больше давления, чуть больше нежности и много-много тепла. Его руки легли на ее плечи, медленно притянули ближе. Потом он разомкнул губы.

«В самом деле, разомкнул, – возмущенно подумала Мегги, – словно собирался заговорить, или положить в рот кусочек хлеба, или зарезать верхнее до подобно миланскому сопрано.

Она почувствовала, как его язык легонько вжимается в ее губы, но стиснула их изо всех сил и украдкой посмотрела на него. Его глаза были открыты. Заметив ее шокированный взгляд, он отстранился.

Мегги не отскочила. Не дала ему пощечину. Просто стояла на месте, задумчиво взирая на него.

– Все равно ужасно странно, – объявила она наконец. – Поскольку вы много лет жили за границей, милорд, возможно, забыли английские обычаи. Этот, во всяком случае, явно не английский. Вы открыли рот, коснулись языком моих губ, как нижней, так и верхней, и вроде бы даже лизнули их. В Англии такое наверняка не слыхано, только в каких-то чужих странах, где позволены всяческие бесстыдства.

– Клянусь, Мегги, это вполне допустимая вещь, – пробормотал он, сдерживая улыбку, но, судя по ее лицу, она не совсем поверила.

– Допустимая? Там, где вы жили все эти годы? Может, кто-то показал вам это еще в детстве? Там, где вы росли?

- Да, но в данном случае наставления совершенно необязательны. Ну... разве только чтобы помочь молодому человеку стать немного опытнее. На самом деле главное - практика, как можно больше практики, хотя подобные вещи вообще присущи природе многих людей и познаются в процессе.

- Каким именно?

- В процессе взаимных ласк. Поцелуи - это только начало и обычно зажигают пожар в крови.

- Вот как?

- Да, это самая обычная история. Даже в Китае все делается именно так.

Он легонько гладил ее руки до самых запястий. Бархатная амазонка еще не совсем высохла.

- Собственно говоря, Мегги, вам нужно кое-что знать, поскольку вы уже взрослая женщина.

- Что же мне следует знать?

- В Англии это тоже делается. Как в любой стране.

- Вы уверены? Насчет языка?

- О да.

И тут она сообразила.

Джереми, должно быть, тоже проделывает это с Шарлоттой. Открывает рот, когда ее целует. А она? Тоже открывает? Нет-нет, только не думать об этом!

- Вы находите это неприятным?

Мегги в задумчивости нахмурилась и прикусила нижнюю губу. Ему захотелось прикоснуться пальцем к этой пухлой губке или... или провести по ней языком.

– Нет, вовсе нет. Просто очень любопытным. О Боже, неужели мой отец и Мэри Роуз тоже так целуются? – с искренним ужасом выпалила девушка и, поняв, что проговорилась, зажала рот рукой. В эту минуту у нее сделалось такое лицо, будто она отдала бы все на свете, лишь бы взять слова обратно. Лишь бы не показать, что в голову приходят подобные мысли.

Он снова сдержал смех.

– Я не настолько порочен, чтобы рассуждать о супружеской жизни vicar и его жены.

– Вы правы. И мне следовало бы молчать, – со вздохом согласилась Мегги. – Смотрите, это не солнце выглянуло?

– Да. И кажется, дождь прекратился.

Она не знала, то ли радоваться, то ли огорчаться. Совершенно непонятное утро. Во всяком случае, необычное.

– Интересно, выбрали бы теперь Макс и Лео победителем именно вас?

– Наверняка, – без колебаний выпалил он.

Она рассмеялась, но не громко и восторженно, а как-то вымученно, потому что не могла забыть прикосновение его губ... его объятия, большие ладони, гладившие ее: пугающее и все же завораживающее ощущение.

Томас смотрел в ее запрокинутое лицо и думал: «Что же, я научил тебя кое-чему, и это манит и одновременно тревожит. Хорошее начало».

Вслух же он беспечно бросил:

– Наверное, для того, чтобы действовать наверняка, мне придется рассказать им превосходную историю о страшных, чешуйчатых, огнедышащих драконах, и

безмозглых рыцарях, которым больше нечего делать, кроме как лезть в их пещеры и вызывать бедняг на бой.

– Боюсь, Макса и Лео больше невозможно подкупить занимательными историями. Мало того, я даже не могу сказать, что может их теперь сбить с пути истинного. Они стали взрослыми, и я больше их не знаю. Проблема в мужском мозгу – вещи совершенно таинственной и непредсказуемой. Похожей на большую спутанную массу сплошных недоразумений. Поверьте, я делала для них все, что могла. Макс собирается стать викарием, как папа, поэтому он не может быть очень уж большим грешником, верно?

– Разумеется. Хотите сказать, что сами воспитывали братьев?

– О да, пока отец не женился на Мэри Роуз. Тогда мне было десять. Настоящая великанша, куда выше и сильнее их! И если считала, что они заслуживают трепки, значит, вполне была способна оттащить их за уши, что случалось довольно часто, поскольку мальчишки никогда не отличаются здравым смыслом. Да, им требовались строгая дисциплина и зоркий глаз. Лео был ужасным озорником. Никогда не забуду, как он вырезал ленту из спинки моего платья. За это толкнула его в колючий кустарник.

Томас рассмеялся и осознал, что давно уже так не веселился.

Они вывели лошадей из амбара. Пен торжествующе заржал, радуясь, что избежал опасности и остался цел и невредим.

С деревьев капала вода, земля напоминала губку. Томас посадил Мегги в седло и, дождавшись, пока она расправит юбки, сообщил:

– Я слышал, как доктор Дрейфус уверял, что к концу недели Рори своими проделками перевернет весь дом.

– Наверное. Позвольте еще раз поблагодарить вас, милорд.

– Можете отблагодарить меня хотя бы тем, что станете называть по имени.

– Ну, если вы так желаете... Хорошо. Томас. Прекрасное имя. Надежное. Я с радостью буду его произносить. И поскольку вы поцеловали меня и даже лизнули мои губы, думаю, я достаточно хорошо успела вас узнать.

– Да, мне тоже так кажется. Знаете, доктор Дрейфус также хотел исследовать присланные из Италии лекарства. Он попросил меня достать немного корня маринго, не настойки, а само растение, чтобы посмотреть, нельзя ли вырастить его в Англии. Только об этом и думает.

Но Мегги почти не слушала его. Томас Малком не ее родственник. Они знакомы очень недолго, а он целовал ее с приоткрытым ртом.

Он не Джереми.

Она с трудом заставила себя оторваться от неуместных размышлений.

– Еще один ребенок заболел злокачественной лихорадкой, и доктор Дрейфус немедленно применил ваше лекарство. Малышка Мелисса очень быстро поправилась.

– Да, в деревне только об этом и говорят.

– И пьют вам дифирамбы. Мужчины пьют в трактире за ваше здоровье, а дамы рассыпаются в таких комплиментах, что у вас уши, должно быть, горят. Вы быстро превращаетесь в местного героя.

– И мне это нравится, – объявил он, едва прикасаясь к ее ладоням. – Кстати, очень хотелось бы посмотреть на Ла-Манш.

Мегги подняла лицо к бледному солнцу и улыбнулась.

– Мне тоже.

А что, если поцеловать его в ответ? Интересно, женщина тоже может приоткрыть рот? И даже коснуться языком губ мужчины?

Мегги вздрогнула. Что-то подсказывало, что она вступает на неизведанную и, пожалуй, небезопасную почву. И при этом совершенно не уверена, стоит ли по ней идти.

Она опять подумала о Джереми, о его поцелуях, которые наверняка свели бы ее с ума, и поморщилась от внезапной боли.

– Возможно, вы расскажете подробнее, что именно говорят местные леди обо мне и моем великолепии, – предложил Томас. – Хотелось бы испытать, что это такое, когда уши горят. Раньше со мной этого не бывало.

– Не думаю, что это такая уж хорошая идея, – пробормотала Мегги. – А вдруг вы слишком привыкнете к поклонению?

С этими словами она ударила каблуками в бока кобылы.

Глава 9

– Это, вне всякого сомнения, рекордный прыжок Клеопатры! – объявила Мегги, сверившись с линейкой. – Да, точно: три фута и около четырех дюймов. Превосходно, моя дорогая девочка!

– Это все новый метод тренировок, Мегги, – заметил Алек, напевая и поглаживая кошку. Клео выгнула спину и замурлыкала.

«Почти то же самое проделал со мной Томас Малком. По крайней мере у меня хватило ума не извиваться и не мурлыкать».

О Господи, лучше сосредоточиться на тренировке.

Она обернула вокруг пальца длинный конец светло-желтой ленты, на добрый фут изодранной когтями игривой Клео, так что теперь по ветру развевались пять тоненьких жалких обрывков.

– Она вполне способна побить Мистера Корка в эту субботу, – обронил Алек.

– Но я работала и с Мистером Корком, и ты знаешь, что он более вынослив. Его привлекают запахи, вот я и попробовала на нем нечто новенькое: макрель. Изрезала, добавила немного чеснока и подсушила, а потом завернула в сетчатый мешочек. Он едва лапы не стер, пытаюсь поскорее подобраться к ней и вдохнуть чудесный аромат.

– Мегги, ты скоро превзойдешь братьев Харкер в изобретательности! Кстати, они выставляют на эти бега трех кошек.

– Никогда не стоит недооценивать их хитроумия, Алек. Я слышала, что Джейми, их старший конюх, сочинил новый лимерик[5 - Шуточное стихотворение из пяти строк, где две первые рифмуются с последней.] для Черного Вихря. Представляешь: Джейми стоит на финишной черте и поет себе во все горло, а Черный Вихрь пулей летит к нему.

– У Черного Вихря глаза ужасно злые, – заметил Алек задумчиво. – Думаю, Мистер Корк просто обязан показать ему, что почем. Нужно хорошенько поразмыслить, как лучше это сделать.

Томас Малком внимательно слушал разговор. Черный Вихрь... прекрасно звучит. Есть в этой кличке нечто зловещее!

Он присмотрелся к Мистеру Корку, лежавшему на солнце. Длинное мускулистое тело так и переливается белым с золотом: почти такой же оттенок, как розы в саду миссис Шербрук.

У него самого никогда не было кошки, даже в детстве. Правда, в амбаре жили коты, настоящие хищники и знатные мышеловы.

– Лорд Ланкастер, как я рада видеть вас! Любите тонко нарезанный окорок? Гордость нашей кухарки. Надеюсь, вы пообедаете с нами?

Он обернулся к миссис Шербрук, обходившей дом.

– Добрый день, миссис Шербрук. Я просто захотел узнать, достаточно ли здоров Рори, чтобы тоже тренировать кошек. И совсем не хотел вам мешать.

Мэри Роуз взяла его за руку.

– Вы спасли моего сына, милорд. И я желаю, чтобы вы мешали нам, пока все мы вам до смерти не надоедим. Зовите меня Мэри Роуз.

Мегги, услышав слова мачехи, энергично закивала.

– Добро пожаловать, Томас. Как приятно, что вы выбрали время для визита. Когда я в последний раз видела Рори, он взбирался по решетке, отделявшей гортензии Мэри Роуз от ее же нарциссов, той самой, которая увита розами.

Мэри Роуз едва не упала в обморок.

– О нет, Мегги, скажи, что ты все это придумала! Решетка совершенно ненадежна. Если ты не соврала, клянусь, я больше не буду бегать за Рори и бесконечно благодарить Бога за его спасение! Нет, я соберусь с духом и хорошенько отшлепаю озорника! То есть если он окажется выше, чем на два фута от земли, я его отшлепаю. Милорд, увидимся в столовой через пять минут. Рори! Немедленно спускайся вниз!

И Мэри Роуз, задрав юбки едва не до колен, бросилась в сад.

Мегги добродушно усмехнулась.

– Хороший знак. Она так тряслась над ним. Все боялась, что он снова не сможет дышать.

– Тряслась? Звучит совсем неплохо, – покачал головой Томас.

– Трястись в этом случае означает, что она то и дело гладит его, обнимает, тискает, закармливает лакомствами, доводя беднягу до белого каления. Понимаете, он очень самостоятельный парнишка и терпеть не может нежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Good game – хорошая игра (англ.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Хороший вкус (фр.).

3

Званный вечер (фр.).

4

Выжившая, способная выжить (англ.).

Шуточное стихотворение из пяти строк, где две первые рифмуются с последней.

Купить: https://tellnovel.com/koulter_ketrin/doch-vikariya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)